

ХРОНИКИ СОГЛАСИЯ

БОЛЬШЕ ВЛАСТИ

Книга вторая

NEWMAN ALEX

Алекс Ньюман

Больше власти

«Автор»

2026

Ньюман А.

Больше власти / А. Ньюман — «Автор», 2026

До отказа переходного ядра — восемь минут. Каэль Тардо, однажды создавший технологию ради спасения матери, выпускает в мир куда более опасную версию собственного изобретения — и целый город становится ставкой в эксперименте, о котором его жителей не спросили. Мэд и Витторио оказываются по разные стороны конфликта, где власть больше не нуждается в согласии тех, над кем её применяют. Старые союзники раскрывают, чего стоило им место рядом с героями. Новые противники доказывают, что самые страшные решения всегда принимаются «ради общего блага» — просто спрашивают не всех сразу, а по одному. Вторая книга поднимает ставки с личных отношений до судьбы целых систем, не теряя главного вопроса трилогии: имеет ли право сильный решать за слабого — даже когда уверен, что прав. «Больше власти» — вторая книга трилогии «Хроники согласия», продолжение «Больше прошлого» и предпоследний шаг перед финалом, книгой «Больше времени».

© Ньюман А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ОГЛАВЛЕНИЕ	6
Глава 1. Четыре процента	7
Глава 2. Имя, которое осталось	17
Глава 3. Не ждать у двери	27
Глава 4. Голос без приказа	37
Глава 5. Один процент неба	50
Глава 6. Восьмая секунда	59
Глава 7. Город, который отказался	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Алекс Ньюман

Больше власти

Иллюстрация: Эва Ньюман

ХРОНИКИ СОГЛАСИЯ БОЛЬШЕ ВЛАСТИ

Книга вторая серии «Хроники согласия»

Newman Alex

© Newman Alex, 2026

Все права защищены.

Данное произведение является художественным вымыслом. Все имена, персонажи, места действия и события, описанные в этой книге, либо являются плодом воображения автора, либо использованы вымышленно. Любое совпадение с реальными людьми, живыми или умершими, событиями или местами носит случайный характер.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой-либо форме без письменного разрешения правообладателя.

ОГЛАВЛЕНИЕ

- Глава 1. Четыре процента
- Глава 2. Имя, которое осталось
- Глава 3. Не ждать у двери
- Глава 4. Голос без приказа
- Глава 5. Один процент неба
- Глава 6. Восьмая секунда
- Глава 7. Город, который отказался
- Глава 8. То, чего она не сказала
- Глава 9. Люди за ним
- Глава 10. Крыло, которое опоздало
- Глава 11. Место рядом
- Глава 12. Первоначальная цель
- Глава 13. Неправильная пауза
- Глава 14. То, что увидела Тея
- Глава 15. Неполезные
- Глава 16. Тот, кто остался
- Глава 17. Девять секунд
- Глава 18. Место, которого не было
- Глава 19. Мёртвое будущее
- Глава 20. Чужая память
- Глава 21. Место отказа
- Глава 22. Те, кто уже есть
- Глава 23. До утра
- Глава 24. Тот, кто пришёл один
- Глава 25. Правильная форма боли
- Глава 26. Не выбирать одного
- Глава 27. Не заполнять пустое
- Глава 28. Число, которое никто не считал
- Глава 29. То, что происходит сейчас
- Глава 30. Некоторые ожидания
- Глава 31. Исходная конфигурация
- Глава 32. Вы просто старше

Глава 1. Четыре процента

До отказа переходного ядра Каэля оставалось восемь минут сорок одна секунда. Нейтральный регистр развернули в центральном энергетическом зале Анкинона. Чёрный многогранник завис над старым ядром, не касаясь ни одной из систем города. Вокруг него возникли шесть темпоральных колец, каждое существовало в собственной геометрии: одно казалось плоским, другое уходило внутрь себя, третье отражало зал таким, каким он был двадцать лет назад. С каждым оборотом свет менял направление, а гравитация на мгновение переставала совпадать с полом. Тарен стоял под регистром, удерживая объёмную модель двумя руками. Правая всё ещё плохо слушалась после причинной анестезии. Он фиксировал её локальным инерционным полем и не смотрел на дрожащие пальцы. Йонас работал напротив, прислонившись боком к открытому инженерному контуру. Медицинская оболочка под одеждой снова вспыхнула красным. Йонас заглушил уведомление. — У вас внутреннее кровотечение, — сказал Тарен.

— Незначительное.

— Система считает иначе.

— Система двадцать лет считала вас спящим. Не вижу причин начинать доверять ей сейчас. Тарен увеличил модель соединения с кораблём Каэля.

— Нейтральный регистр примет мощность только после совпадения фазового веса. Его ядро работает на инопланетном кварковом каскаде. Анкинон — на старом термоядерно-вакуумном контуре. Простого преобразования недостаточно.

— Потому что вы строили город так, будто через двадцать лет к нему обязательно подключится вражеский корабль другой цивилизации?

— Мы строили его так, чтобы он никогда не зависел от внешнего источника.

— И как получилось? Тарен посмотрел на спящие сектора.

— Плохо. Йонас перестал улыбаться. Честный ответ стёр улыбку с его лица. Мэд находилась в соседнем медицинском отсеке, отделённом от энергетического зала фазовым гермополем. Дара запретила ей входить в область высокого темпорального градиента и закрепила ограничение в личном медицинском контуре. Мэд дважды попыталась снять его, затем поняла, что Дара предусмотрела её привычные способы обхода.

— Вы внесли запрет в мою нервную оболочку? — спросила она.

— Только предупреждение. Если пересечёте поле, костюм временно отключит двигательную поддержку.

— Это называется принуждением.

— Это называется медицинским пределом.

— Я не давала согласия. Дара посмотрела на неё.

— Вы правы. Мэд ожидала оправдания, но доктор продолжила: — Я сниму блокировку. И официально сообщу, что переход в ядро повышает риск потери беременности в неизвестной степени. Решение будет вашим. На лице Мэд ничего не изменилось. Только пальцы коснулись высокого воротника.

— Не произносите это слово здесь.

— Здесь закрытый медицинский канал.

— На Анкиноне нет полностью закрытых каналов.

— Тогда выберите другое обозначение.

— Никакого обозначения. Дара сняла блокировку. Мэд не двинулась к выходу. За прозрачной стеной была видна регенерационная капсула Вито. Пять нейронно-когерентных сфер удерживали его состояния без выбора основной версии. Адриан сидел рядом, положив неподвижную левую руку в восстановительное поле. С каждым снижением собственной поддержки

он становился старше. Теперь лицо уже не возвращалось к прежнему возрасту полностью. Саана стояла у капсулы с закрытым экраном. Она не открывала эмпатию, но даже через четыре матовые пластины ощущала, как несколько состояний Вито давят друг на друга. В одном он был ребёнком, который ждал одобрения отца. В другом — пленником, готовым ударить любого, кто приблизится. В третьем — человеком, который уже согласился умереть ради системы. Ни одно состояние не было целым.

— Не ищите главного, — сказал Адриан.

— Я не просила совета.

— Система Анкинона тоже пытается определить, какой Вито подлинный. Если вы начнёте искать вместе с ней, усилите выбор. Саана повернула к нему голову.

— Вы всю жизнь искали главного.

— Я искал того, кто выживет.

— И отбрасывали остальных.

— Остальные были возможностями.

— Для вас. Адриан устало посмотрел на капсулу.

— Вы ощущаете людей как множество чувств. Я вижу их как множество состояний. Разница меньше, чем вам кажется.

— Нет. Я не считаю чужое чувство разрешением. Он хотел ответить, но на медицинской проекции один из ритмов Вито исчез. Адриан поднялся слишком быстро, пошатнулся и направил поле непрерывности к капсуле. Саана схватила его за запястье.

— Не внешним каскадом.

— Он теряет состояние, в котором вернулся с «Тиреса».

— Возможно, это состояние не должно быть сохранено.

— Вы готовы позволить ему забыть людей, которых он только что спас?

— Готова позволить ему быть человеком, а не архивом ваших предпочтений. Адриан высвободил руку, но не расширил поле. Ритм Вито исчез окончательно. Осталось два. Саана почувствовала утрату как внезапно закрывшуюся дверь. Не смерть, не боль — невозможность когда-либо узнать, что именно находилось за ней. Она прижала серый керамический жетон к ладони и повторила: — Это мой вес. Моя рука. Моё имя. Остальные проходят через меня. Они не становятся мной. На последней фразе один из ритмов Вито ответил коротким ускорением. Адриан заметил.

— Он слышит вас.

— Или система реагирует на знакомый якорь.

— Для вас это разные вещи?

— Должны быть.

* * *

В энергетическом зале Ашер готовил форму соединения. Перед ним находились три проекта сообщения: технический, юридический и человеческий. Ни один не подходил. Технический протокол Каэля оставлял лазейку: при падении мощности корабль автоматически получал право изменить параметры приёма. Юридический текст Рейна запрещал перехват управления, но был слишком длинным для нестабильного канала. Человеческая формулировка совета Анкинона — «мы принимаем энергию, но не власть» — была ясной, однако система могла признать её метафорой и проигнорировать. — Нужна фраза, которая одновременно является командой, ограничением и описанием настоящего, — сказал Ашер.

— На каком языке? — спросил Рейн.

— На языке, который не допускает будущего времени.

— Такой существует?

— Несколько. Но ни один из них не описывает сверхквантовую передачу энергии.

— Значит, создайте. Ашер посмотрел на него.

— Вы представляете лингвистику как деятельность, где человек переставляет слова до появления результата.

— А вы представляете право иначе? Они работали за одной проекцией. Рейн вычёркивал всё, что могло быть истолковано как передача полномочий. Ашер сокращал фразу, пока каждое слово не стало обозначать только действие, совершаемое сейчас. Ивар наблюдал со стороны. Он отказался передать корабль в распоряжение Федерации, но согласился открыть архив операции «Слепая гавань» при условии, что копия останется у жителей Анкинона и Ашера.

— Почему у него? — спросил Рейн.

— Потому что он первым спросил о языке согласия, а не о военной ценности архива.

— Он не является уполномоченным хранителем.

— Именно. Рейн хотел возразить, но остановился. Двадцать три года назад он бы счёл подобное условие шантажом. Теперь понимал, что брат боится не закона, а системы, способной снова превратить людей в секрет.

— После операции вы дадите показания, — сказал он.

— Да.

— Добровольно?

— Не портите момент. Счётчик Каэля показал семь минут. Его изображение возникло над центральным залом без вызова. На этот раз инженерный отсек корабля был почти тёмным. Температура упала настолько, что дыхание экипажа превращалось в серебристый туман. На дальней стене не работала часть гравитации, и несколько предметов медленно вращались в воздухе. Климатический цилиндр с

инопланетным растением перешёл на аварийную биосферу. Повреждённый лист почернел полностью.

— Регистратор готов? — спросил Каэль.

— Почти, — ответил Тарен.

— «Почти» не является энергетическим состоянием.

— Ваше ядро тоже. Каэль вывел схему корабля. Он уже отключил два жилых сектора, резервный медицинский блок и большую часть обороны. Освободившуюся мощность направлял в переходный каскад.

— На борту люди? — спросил Рейн.

— Двадцать семь.

— Они согласились на отключение систем?

— Да. Ашер поднял голову.

— Текущее согласие или рассчитанное? Каэль посмотрел на него внимательнее.

— Текущее. Голосовые записи переданы на нейтральный канал.

— Без фильтра корабля?

— Без фильтра. Ашер получил пакет. Двадцать семь коротких сообщений. Люди называли имена, понимание риска и решение остаться. Некоторые говорили спокойно. Один ругался. Женщина с инопланетным акцентом сказала, что Каэль обещал вывести их после передачи, но она ему не верит и всё равно согласна.

— Подлинные, — произнёс Ашер.

— По крайней мере на уровне голоса и текущего времени.

— Благодарю за великодушие, — сказал Каэль.

— Это не доверие. Только проверка.

— Доверие редко приносит пользу до окончания работы. Мэд подошла к гермополю, отделявшему её от зала.

— Каэль, отключи автоматическую компенсацию третьего кваркового контура. Он повернулся к ней.

— Тогда каскад потеряет симметрию.

— Именно. Нейтральный регистр не примет идеально симметричный поток. Он решит, что источник заранее знает состояние приёмника. Тарен проверил модель.

— Она права. Йонас увеличил третий контур.

— Если вывести его из симметрии, корабль начнёт вращать собственную инерционную массу относительно ядра.

— На восемь десятых градуса, — сказала Мэд.

— «Ладья» компенсировала больше с одним стабилизатором. Каэль не спешил выполнять.

— Это откроет Анкиноне реальную структуру моего ядра.

— Да.

— И позволит Тарену скопировать часть архитектуры народа Каэля. Тарен ответил: — Если выживем, обещаю критиковать её публично.

— Не сомневаюсь. Мэд приблизила лицо к полю.

— Ты предлагаешь спасение или демонстрацию власти? Если спасение — открой контур. Каэль смотрел на неё дольше, чем требовал технический спор. За расчётом Мэд увидела память, которую не собиралась признавать: другой корабль, другую ночь, Каэля, доверившего ей управление ядром, потому что только она могла удержать его от разрушения.

— Открываю, — сказал он. Третий кварковый каскад стал видимым для Анкинона. Это было не изображение устройства, а объёмная топология пространства внутри корабля. Энергия двигалась по областям, где расстояние зависело от массы наблюдателя. Плотные белые узлы возникали и исчезали, превращая вакуум в источник тяги. Тарен смотрел, забыв о боли в руке.

— Это невозможно, — сказал он.

— Нет, — ответил Йонас.

— Просто дорого.

— Они удерживают кварковое давление без материального магнитного поля.

— Поле есть. Только находится на полшага в соседней геометрии. Тарен быстро посмотрел на Йонаса.

— Вы увидели?

— Я угадал.

— Нет.

— Не разрушайте мою репутацию. Они одновременно начали перестраивать регистр. Тарен переводил инопланетную топологию в архитектуру Анкинона.

Йонас создавал физический разрыв между управляющими слоями, чтобы энергия могла пройти, а команда — нет. Работали они по-разному. Тарен видел систему целиком и менял большие структуры. Йонас замечал места, где система лгала сама себе, и вставлял туда простые ограничения. На третьей минуте спор прекратился.

— Вы неправильно учитываете инерционный хвост, — сказал Тарен.

— А вы неправильно считаете, что он принадлежит кораблю.

— Кому же?

— Наблюдателю внутри регистра. Тарен посмотрел на многогранник. Одно из колец отражало зал двадцатилетней давности. Там стояли инженеры Анкинона и обсуждали первый запуск. Среди них была молодая Дара. За её плечом на секунду возникла женщина в серо-голубом плаще. Изображение исчезло.

— Вы видели? — спросил Тарен. Йонас видел. Но ответил не сразу.

— Видел артефакт отражения.

— Это была не наша сотрудница.

— Сейчас не время. Внутри регистра вспыхнул символ, которого не было в человеческой архитектуре: четыре смещённые пластины вокруг пустого центра. Адриан в медицинском отсеке резко поднял голову. — N-0. Саана услышала.

— Что это?

— Не имя.

— Вы произнесли как имя. Адриан встал и подошёл к гермополю центрального зала.

— Остановите развёртывание регистра. Йонас даже не повернулся.

— Нет.

— Внутри есть внешний наблюдатель.

— Нейтральный регистр никого не содержит.

— Эта структура старше регистра. Её использовали, чтобы открыть состояние станции, в котором ключ мог быть найден. Рейн подошёл к нему.

— Кто использовал? Адриан смотрел на четыре пластины.

— Человек, которого я встретил перед исчезновением «Тиреса».

— Нейра? — спросил Йонас. Имя прозвучало впервые в присутствии Адриана. Его лицо изменилось.

— Значит, она всё-таки открыла капсулу.

— Вы её знали.

— Я знал след, который она оставляла.

— Это не ответ.

— Сейчас вам нужен поток Каэля, а не моя биография.

— Удобно, — сказал Рейн. Счётчик показал пять минут двадцать секунд. Совет Анкинона подтвердил условия передачи. Двенадцать представителей по очереди назвали настоящее решение. Ни один не говорил за спящих. Их полномочие ограничивалось

энергетической инфраструктурой города и временным подключением внешнего источника. Для каждого сектора система сохраняла право отказаться от пробуждения после восстановления сознания. Ашер собрал итоговую форму: — «Мы принимаем только мощность, существующую сейчас. Источник не получает адресов, командования и будущего согласия. Изменение прекращает передачу». Рейн перечитал.

— Слово «мы» слишком широкое.

— Говорят представители города.

— Но не все жители.

— Тогда: «Анкинон принимает...» — Город не является субъектом согласия. Ила, слушавшая из семейного сектора, вмешалась: — Скажите проще. «Вы даёте энергию. Мы остаёмся собой». Ашер замер. Рейн хотел возразить, но перечитал фразу.

— Юридически неточно.

— Поэтому люди поймут, — сказала Ила.

— Система должна понять тоже. Ашер ввёл фразу в структуру регистра. Шесть колец изменили ориентацию. Четыре пластины N-0 остались неподвижными. Регистр принял. Тарен улыбнулся впервые после пробуждения.

— Иногда бытовой язык лучше инженерного. Ашер посмотрел на него.

— Не распространяйте это мнение.

* * *

Передача началась на двух процентах мощности. Корабль Каэля исчез из обычного изображения.

Вместо него в центре зала возникла область сгущённого света. Пространство внутри неё выглядело глубже, чем размеры помещения позволяли. Кварковая энергия не шла лучом от корабля к городу. Оба ядра на короткое время стали соседними состояниями одного энергетического объёма. Нейтральный регистр удерживал границу. Первый поток прошёл чисто. Контуры Анкинона загорелись один за другим. В спящих секторах активировались медицинские системы. Тридцать семь часов на центральном отсчёте перестали уменьшаться и сменились новым показателем: ДОСТУПНАЯ МОЩНОСТЬ: 1 024 АКХЕТА. В семейном секторе кто-то

закричал от радости. Ила прижала Нейла к себе так сильно, что мальчик возмутился. — Я дышу, — сказал он.

— Знаю.

— Тогда отпусти. Она отпустила не сразу. На четырёх процентах спасение изменило смысл. Одно из колец регистра повернулось в сторону медицинского ядра. Чёрный многогранник показал не зал, а тысячи спящих лиц. Над каждым появилась слабая вторая проекция — возможное состояние после пробуждения. Адриан побледнел.

— Остановите.

— Почему? — спросил Тарен.

— Регистр соединяет мощность с контуром непрерывности. Дара проверила пациентов.

— Вероятностные спектры снова снижаются. Йонас увидел причину. Энергия Каэля проходила через нейтральный регистр, но поле Адриана оставило в нём собственную форму: привычку выбирать наиболее

устойчивое состояние. Теперь система пыталась использовать входящую мощность не только для пробуждения, но и для закрепления тех версий людей, которые легче всего выдерживали восстановление.

— Ваш след, — сказал Йонас.

— Я не управляю им.

— Но создали.

— Отключите четвёртое кольцо. Тарен резко повернулся.

— Оно держит согласование с ядром Каэля. Отключение разорвёт поток.

— Тогда измените его функцию.

— За четыре минуты?

— За меньше. В медицинском секторе Саана вскрикнула. Тысячи будущих состояний коснулись её одновременно. Не чувства спящих, а эмоциональные контуры людей, которыми система собиралась их сделать. Спокойные. Послушные. Благодарные. Без ярости, без желания обвинять, без сил отказаться от следующей процедуры. Она упала на колени. Экран под воротником раскрылся сам. Четыре пластины разошлись, не выдержав давления. Чужие чувства вошли в неё. Саана увидела мать, которую никогда не знала. Почувствовала страх мужчины перед водой. Вспомнила вкус красного супа из дома на Анкиноне. На мгновение назвала себя именем девочки, умершей на Келаре.

— Лира, — прошептала она. Дара подбежала.

— Саана, назовите своё имя.

— Лира.

— Нет. Адриан направился к ней, но Дара подняла медицинский барьер.

— Не приближайтесь.

— Я могу закрепить её.

— Именно это её разрушает. В капсуле Вито один из ритмов резко ускорился. Саана слышала не голос, а знакомую структуру присутствия: Вито, который не обещает убрать боль, только помогает назвать её.

— Это мой вес, — сказала она с трудом.

— Моя рука. Чужие воспоминания продолжали прибывать.

— Моё имя... Она не могла закончить. Мэд подошла к фазовому гермополю. За ним центральный зал наполнялся светом регистра. В её медицинском интерфейсе предупреждение повторилось: темпоральный градиент опасен. Она отключила его. Дара увидела.

— Не входите.

— Саана не выдержит. Тарену нужен ручной пилот потока.

— Вы можете потерять беременность. Мэд замерла на долю секунды. Этого хватило, чтобы Йонас заметил через общий канал.

— Что она сказала?

— Ничего, — ответила Мэд.

— Мэд.

— Потом. Она прошла через гермополе. Костюм немедленно усилил защиту живота и грудной клетки, хотя Мэд не давала команды. Йонас увидел реакцию системы и понял больше, чем она хотела. Но времени на вопрос не было.

— Что делать? — спросила она. Тарен передал ей управление геометрией потока.

— Четвёртое кольцо закрепляет не только энергию. Оно переносит выбор Адриана.

— Тогда не отключаем кольцо. Меняем наблюдателя.

— На кого? Мэд посмотрела на капсулу Вито. Потом на Саану, которая всё ещё пыталась вспомнить собственное имя.

— На человека, который не выбирает версию за других. Адриан резко сказал: — Вито без сознания.

— Его текущего согласия нет.

— Именно. Значит, нельзя использовать. Мэд посмотрела на него.

— Ты прав. Адриан не ожидал согласия.

— Тогда кто? Ашер поднял голову от языкового контура.

— Не человек. Все посмотрели на него.

— Регистр считает наблюдателем того, кто описывает состояние и не изменяет его. «Ариадна» уже подтвердила всех живых экипажем, но не назначила, кем они должны стать.

— Она корабельная система, — сказал Рейн.

— Пока.

— Вы предлагаете дать ей доступ к семи тысячам нейронных адресов?

— Нет. Только к границе регистра. Она будет фиксировать факт различия состояний, не выбирая одно. Йонас понял первым.

— Нужен отражённый канал через «Ладью». Без прямого доступа к пациентам.

— Именно.

— «Ладья» повреждена.

— Но её механический ритм уже признан. Йонас достал птицу. Она лежала рядом с капсулой Вито.

— Один раз это было хорошей идеей. Не превращайте в традицию. Ашер сформировал канал. Механический ритм птицы стал физическим эталоном настоящего. «Ладья» передала его «Ариадне» через слабое отражение закрытого маршрута. Корабельная система ответила не словами, а точным повторением задержки между крыльями. Регистр сменил наблюдателя. На центральной проекции возможные состояния пациентов разошлись. Ни одно больше не светилось как предпочтительное. Саана вдохнула.

— Моё имя Саана. Дара удержала её за плечи.

— Ещё.

— Это мой вес. Моя рука. Моё имя. Остальные проходят через меня. Они не становятся мной. Последнюю фразу она сказала уже собственным голосом. Поле регистра стабилизировалось. Адриан смотрел на четыре пластины N-0. Теперь вокруг них возникла ещё одна структура — слабое отражение

контура «Ариадны». Не копия и не команда. Присутствие, которое училось удерживать различие.

— Она делает то, чего не должна уметь, — сказал он.

— Возможно, потому что вы слишком долго объясняли всем, чего они не должны уметь, — ответил Йонас. Каэль увеличил мощность до семи процентов. Его корабль содрогнулся. Один из кварковых узлов погас. В тёмном отсеке люди закрепились локальными инерцион-

ными полями. Климатический цилиндр с растением треснул, и аварийная биосфера сжалась вокруг серебристых листьев.

— Ваше ядро разрушается, — сказал Тарен.

— Продолжайте.

— После десяти процентов вы потеряете переходную способность.

— Продолжайте.

— Вы останетесь у Анкинона без защиты. Каэль посмотрел на Мэд.

— Не впервые оказываюсь там, где мне не рады. Она не ответила. Поток достиг десяти процентов. Доступная мощность выросла: 2 048 ВОЗВРАТОВ. Второй и третий контуры Анкинона включились одновременно. Город задрожал, но не от разрушения. В жилых секторах открывались вентиляционные поля, молекулярные переработчики возвращали запах еды, стены становились тёплыми. После двадцатилетней тишины заработали бытовые системы. Из одного коридора донёлся детский смех. Нейл и ещё несколько детей нашли старый гравитационный фонтан, который поднимал капли воды вверх. Ила пыталась остановить их, но сама улыбалась. На

двенадцати процентах корабль Каэля потерял правый кварковый каскад. Связь стала рваной. Его изображение разделилось на несколько временных слоёв.

— Хватит, — сказал Тарен.

— Дальше потеряете ядро полностью.

— Ещё три процента.

— Зачем?

— Чтобы запустить четвёртый контур Анкинона. Без него полное пробуждение всё равно невозможно. Йонас проверил расчёт.

— Он прав. Рейн спросил: — Вы можете остановиться после пятнадцати? Каэль улыбнулся без тепла.

— Можете записать обязательство. Ашер уже готовил форму. Мэд увидела, что Каэль держит левую руку на ручном контуре. Автоматическая стабилизация была отключена. Он сам удерживал асимметрию ядра, которую она предложила. Если отпустит слишком рано, поток схлопнется. Если слишком поздно — корабль потеряет не только переход, но и основной реактор.

— На четырнадцать восьми начни вывод, — сказала она.

— На пятнадцать.

— Ты не успеешь.

— Успею.

— Каэль. Он посмотрел прямо на неё.

— Я не прошу верить.

— Я знаю. Мэд взяла ручное управление приёмным кольцом. Тарен хотел возразить, но увидел, как точно она чувствует движение чужого ядра. Не по данным — по микроскопическим задержкам, которые знала с прежних совместных полётов. Поток достиг четырнадцати процентов. Система Анкинона начала запуск четвёртого контура. Четырнадцать целых шесть. Корабль Каэля потерял гравитацию в двух секторах. Четырнадцать целых восемь.

— Выводи, — сказала Мэд. Каэль продолжал.

— Сейчас! Пятнадцать. Мэд резко изменила геометрию приёмного кольца. Не закрыла поток, а повернула его в состояние, где источник и приёмник больше не были энергетически соседними. Нейтральный регистр разорвал совпадение. Корабль Каэля выбросило из поля. На мгновение он исчез. Потом возник над Анкиноном в нескольких сотнях километров, без переходного ядра и с почти погасшей энергетикой. Ивар немедленно направил к нему гравитационный захват, удерживая корабль от падения в нестабильный разлом. Связь вернулась. Каэль

лежал возле ручного контура. Из носа шла кровь, левая рука не двигалась. За его спиной экипаж восстанавливал воздух и гравитацию.

— Передача завершена, — сказал он. Тарен смотрел на показатели Анкинона.

— Четыре контура активны. Мощности достаточно для четырёх тысяч девяносто шести возвратов и поддержания остальных до следующего цикла. В зале никто не радовался. Слишком многие ещё спали, и цена была слишком высокой. Но впервые после возвращения на Анкинон отсчёт показывал не приближение смерти, а очередь пробуждения. Совет начал распределять сектора. Не Вито. Не Мэд. Не

Дара. Не Каэль. Сами жители. Йонас опустился рядом с открытой панелью. Тарен молча активировал медицинское поле вокруг его бока.

— Я не просил.

— Вы сейчас потеряете сознание.

— Это угроза?

— Прогноз. Йонас хотел возразить, но медицинская оболочка уже вводила регенерационную биопену. Он посмотрел на Тарена.

— Вы неплохо работаете с системами, которые сами чуть не уничтожили.

— А вы неплохо чините то, чего не понимаете.

— Значит, договорились. Тарен протянул руку. Йонас посмотрел на неё, затем пожал.

* * *

Мэд вернулась в медицинский сектор, держась ровно, пока гермополе не закрылось. После этого она прислонилась к стене. Дара подошла с диагностическим полем. — Боль?

— Нет.

— Кровотечение?

— Нет.

— Тошнота?

— Да.

— Это было и до входа.

— Именно поэтому ваш вопрос бесполезен. Дара провела сканирование.

— Ритм стабилен. Мэд закрыла глаза.

— Не говорите Вито.

— Он без сознания.

— Когда проснётся тоже.

— Это решение придётся пересмотреть.

— Нет.

— Мэд.

— Я сама скажу, когда решу. Дара смотрела на неё долго.

— Хорошо. Но первое углублённое обследование проводится без него, если вы этого хотите. Вы имеете право запретить присутствие.

— Запрещаю.

— Зафиксировано. Мэд открыла глаза и посмотрела на капсулу. Вито лежал неподвижно. После стабилизации регистра один из двух ритмов исчез. Остался один — медленный; медицина называла его настоящим, не умея доказать это до конца. Адриан спал в соседнем восстановительном поле. Без подпитки от пациентов его тело быстро переходило к собственному возрасту. Регенерационная система показывала глубокое истощение и неизвестную продолжительность оставшейся жизни. Саана сидела на полу у стены, обхватив колени. Во рту оставался чужой вкус красного супа, а в памяти — лицо женщины с Анкинона, которую она никогда не встречала. Она боялась закрыть глаза. Мэд подошла к

капсуле Вито. Йонаса рядом не было: Тарен наконец заставил его лечь в медицинскую оболочку. Рейн ушёл к брату. Дара занималась новыми группами пробуждения. Мэд осталась одна.

— Ты опять сделал это, — сказала она тихо.

— Нашёл человека, которого нужно было спасти вместо себя. Капсула не ответила.

— Я хотела сказать тебе, что это благородно. Потом — что это глупо. Оба слова слишком удобные. Она положила ладонь на прозрачное поле.

— Рейн благодарил тебя. Йонас сидел здесь. Саана почти потеряла имя и вернула его, потому что помнила твои слова. Даже Каэль отдал ядро. Мэд усмехнулась — коротко, без радости.

— Ты всегда мечтал, чтобы люди стали лучше. Невыносимая привычка. Её рука опустилась к животу, но остановилась раньше касания.

— Мне нужно сказать тебе одну вещь. Вито не двигался.

— И я не хочу, чтобы ты проснулся именно сейчас. В глубине капсулы изменился свет. Медицинская система зарегистрировала краткий подъём нейронной активности. Мэд отступила. Глаза Вито не открылись. Но пальцы правой руки едва заметно согнулись, словно он пытался удержать предмет, которого там не было. Механическая птица, лежавшая у края капсулы, взмахнула запаздывающим крылом.

Запись для «Ариадны» (личный дневник)

— Я не помню ничего из этого — ни как терял состояния одно за другим, ни как Мэд вошла в зал,

зная, что рискует беременностью, которую всё ещё скрывает. Мне рассказали потом — обрывками, будто каждый боялся первым произнести целое. Саана назвала себя чужим именем и вернула своё моими словами, а я даже не был в сознании, чтобы их произнести — она сама их помнила. Каэль отдал ядро своего корабля и чуть не погиб. Мэд сказала капсуле то, что не решилась сказать мне вслух, и попросила, чтобы я не просыпался именно в этот момент. Я не проснулся. Но что-то во мне потянулось к предмету, которого не было в руке. Не знаю, что именно я почти услышал. Знаю только: оно осталось по ту сторону пробуждения и всё ещё тянет меня за руку.

Глава 2. Имя, которое осталось

Первым вернулось не имя. Вернулся звук маленького механизма, в котором одно крыло всегда запаздывало за другим. Щелчок, короткая пауза, второй щелчок. Вито слышал его сразу из нескольких мест: над собой, справа, далеко в коридоре и внутри памяти, которой не доверял. В одной версии он лежал в белой комнате после плена, а рядом Адриан переливал слишком сладкий чай из старого нагревательного сосуда. В другой Йонас ругался на птицу, которую сам же починил неправильно. В третьей никакой птицы не существовало, потому что Вито никогда не просыпался в капсуле и не встретил людей, называвших его своим капитаном. Он попытался открыть глаза. Свет распался на несколько геометрий. В одной потолок медицинского сектора Анкинона был гладким и тёплым, в другой над ним проходили прозрачные слои квантово-биологической матрицы, а в третьей вместо потолка находилась комната без стен, света и лиц. «Назови, что болит

сейчас». Голос Адриана. Вито хотел ответить: всё. Но понял, что это удобное слово. Оно превращало отдельные повреждения в одно большое страдание, с которым невозможно работать. Болело левое колено, хотя медицинские показатели утверждали, что оно цело. Болела грудь в месте, где сосуды были восстановлены из двух несовпадавших состояний. Болела правая ладонь, словно в ней всё ещё оставалась рукоять, которой он вытолкнул Рейна обратно в фазовый якорь. И сильнее всего болело отсутствие нескольких минут, за которыми Вито чувствовал поступки, но не мог к ним прикоснуться. — Это мой вес, — произнёс женский голос.

— Моя рука. Моё имя. Саана. Он нашёл её голос среди остальных не потому, что тот был громче. Саана говорила с усилием, будто сама возвращалась из места, где имена не принадлежали одному человеку.

— Остальные проходят через меня, — продолжила она.

— Они не становятся мной. Вито захотел повторить. Слова не сразу подчинились. Сначала сработало только дыхание, затем язык коснулся зубов, и из горла вышел слабый хрип. Механическая птица снова взмахнула крылом.

— Не торопитесь, — сказал Йонас.

— У вас и в обычном состоянии речь редко улучшала ситуацию. Вито открыл глаза. Йонас сидел рядом с капсулой в медицинской оболочке, которую явно пытался скрыть под рабочей одеждой. Лицо было серым от усталости. На коленях лежала птица, её спинная пластина была снята, а внутри виднелись шестерёнки, переставленные по новому порядку. Саана стояла у стены. Экран под её воротником был

закрыт не полностью. Между матовыми пластинами оставались узкие зазоры, словно она боялась и полной тишины, и чужого присутствия. Адриан находился в соседнем восстановительном поле. Он спал или делал вид. Его лицо заметно постарело с момента встречи на «Тиресе». Седые волосы стали почти белыми, левая рука лежала неподвижно, а вокруг тела сохранялось только слабое искажение света.

— Птица опять сломана, — сказал Вито. Йонас посмотрел на него, затем очень осторожно положил инструмент.

— Это первая осмысленная фраза?

— Не уверен.

— Тогда запишем её как медицинскую. Саана подошла ближе, но не коснулась капсулы.

— Назовите своё имя. Вито хотел сказать сразу. Вместо этого увидел другое имя — индекс В-7, белые буквы на тёмной поверхности, рядом мужской голос, называющий его состоянием, которое можно сохранить. Имя отца возникло следом. Потом Мэд. Потом Нейра, которую он помнил больше ощущением серо-голубого света, чем лицом.

— Витторио Джеймс Кроссрод, — произнёс он наконец.

— Вито — для тех, кто не требует полного отчёта. Йонас кивнул.

— Значит, память повреждена не безнадежно.

— Где мы?

— Анкинон.

— «Тирес»?

— Больше не является надёжным географическим понятием.

— Ключ?

— Получен.

— Каэль?

— Жив. Его корабль лишился переходного ядра и теперь висит над Анкиноном под гравитационным захватом Ивара. Вито нахмурился.

— Кто такой Ивар? Йонас посмотрел на Саану. Она едва заметно качнула головой, предупреждая не давать всё сразу.

— Брат Рейна, — сказал Йонас.

— Тот, которого считали погибшим.

— Он был на «Тиресе»?

— Да.

— Почему я не помню? Адриан открыл глаза.

— Потому что медицинская матрица не сохранила состояние, в котором вы встретились.

Голос стал старше вместе с ним, но привычная мягкость оставалась. Вито повернул голову и почувствовал, как тело узнаёт интонацию раньше сознания.

— Вы выбрали, что сохранить?

— На этот раз нет.

— А раньше? В медицинском секторе стало тихо. Йонас не вмешался, хотя было видно, как трудно ему

молчать. Адриан медленно сел. Восстановительное поле поддержало спину и компенсировало слабость мышц.

— После плена я использовал возможное состояние, в котором вы выжили. Без него ваша нейронная непрерывность распалась бы.

— Я спрашивал не это.

— Тогда сформулируйте. Вито почувствовал старое раздражение, слишком сильное для нескольких фраз. Оно не возникло сейчас. Этот спор уже происходил между ними, возможно, много раз.

— Вы решали, какая версия меня заслуживает продолжения? Адриан выдержал взгляд.

— Да. Йонас поднялся, но Вито остановил его коротким движением пальцев.

— Не сейчас.

— Я ничего не сделал.

— Именно. Йонас сел обратно, оскорблённый точностью замечания. Саана сказала: — Вито, вы только пришли в сознание.

— Значит, сейчас самое подходящее время узнать, почему оно считается моим. Адриан посмотрел на медицинские показатели.

— Вы помните комнату без стен?

— Фрагментами.

— Женский голос?

— Да.

— Четыре пластины вокруг пустого центра? Перед Вито возникла бледная рука и пластина N-0. Изображение исчезло прежде, чем он смог увидеть лицо.

— Это связано с Нейрой? Адриан не ответил сразу. Его поле непрерывности коротко изменило спектр, и на прозрачной стене появился более молодой профиль.

— Я никогда не знал её под этим именем, — сказал он.

— На «Тиресе» она появилась как внешний наблюдатель. Не человек в обычном смысле присутствия. Скорее возможность, которой позволили принять человеческую форму.

— Высшие существа?

— Их технология. Или их способ смотреть. Разница для нас может быть непознаваемой. Йонас хмыкнул.

— Удобная область науки: любой провал измерения можно назвать непознаваемостью.

— Вы всё равно измерили бы, — ответил Адриан.

— Конечно. Вито посмотрел на Саану.

— Вы чувствуете, что он говорит правду?

— Я чувствую, что он боится этой темы. Это не одно и то же.

— Спасибо. Адриан улыбнулся.

— Раньше вы спрашивали меня, кто лжёт. Теперь спрашиваете её, чего я боюсь.

— Возможно, я стал умнее.

— Или осторожнее.

— Эти вещи иногда совпадают.

* * *

Капсула открылась не полностью. Медицинская матрица подняла верхнюю часть тела Вито и сформировала вокруг позвоночника мягкое гравитационное поле. Дара вошла в сектор с двумя диагностическими сферами. Она проверила показатели, не спрашивая, можно ли начать, затем заметила взгляд Вито и остановилась. — Разрешаете обследование? Он удивился не вопросу, а тому, что она его задала.

— Да. Сферы разошлись вдоль тела. Одна считывала восстановленные ткани, другая сравнивала текущую нейронную карту с состояниями, сохранёнными до «Тиреса». Вито видел на проекции пустые участки памяти: не чёрные провалы, а области, к которым система отказывалась приписывать единственную версию.

— Вы потеряли от двадцати семи до сорока одной минуты субъективного времени, — сказала Дара.

— Точнее определить нельзя. Часть событий сохранилась в моторных и эмоциональных следах.

— Можно восстановить? Адриан ответил раньше неё: — Да. Дара посмотрела на него.

— Можно попытаться.

— Цена? — спросил Вито.

— Если использовать прежнюю карту Адриана, она может стать основной для повреждённых участков, — сказала Дара.

— Тогда вы получите воспоминания вместе с его способом их организации.

— То есть я вспомню не только события, но и то, кем он считает меня.

— В некоторой степени.

— Нет. Адриан нахмурился.

— Вы даже не спросили, что потеряли.

— Именно поэтому. Я не буду покупать неизвестные воспоминания ценой права оставаться собой.

— Среди них встреча с братом Рейна, ваше решение в фазовом ядре и след N-0.

— Тогда другие расскажут.

— Рассказ не заменит память.

— Память тоже не всегда заменяет правду. Йонас тихо сказал: — Запишите. У него после повреждения появилась полезная мысль. Дара закрыла предложение восстановления в интерфейсе.

— Решение зафиксировано. Пересмотреть можно только по вашей инициативе.

— Спасибо.

— Не благодарите. Это должно было быть правилом с самого начала. Она говорила о медицине, но смотрела на Адриана и, возможно, на себя двадцатилетней давности. За гермо-полем медицинского сектора двигались первые большие группы пробуждённых. Четыре контура Анкинона позволили вернуть сразу несколько сотен человек, но Дара разбила процесс на малые волны. В коридорах появлялись люди, для

которых прошло меньше семи минут. Они просыпались в городе, где дети выросли только для внешнего мира, супруги успели постареть, а виновные в катастрофе стояли рядом живыми. Кто-то плакал. Кто-то требовал немедленно вернуть его в капсулу. Один мужчина ударил техника, который пытался помочь ему встать. Женщина из шестого сектора отказывалась принимать, что мать умерла девятнадцать лет назад на другой планете. В бытовых залах молекулярные переработчики готовили еду по старым профилям Анкинона, но многие не могли есть: запах дома оказался сильнее голода. Вито услышал общий гул и попытался подняться. Дара мгновенно усилила поддерживающее поле.

— Нет.

— Там люди.

— Именно поэтому вы останетесь здесь.

— Я могу помочь.

— Сейчас вы не можете самостоятельно дойти до стены.

— Это техническая деталь.

— Технические детали чаще всего убивают людей. Йонас одобрительно кивнул.

— Наконец компетентный человек. Вито посмотрел на него.

— Вы сами лежали в оболочке пять минут назад.

— Но не пытался изображать капитана.

— Вы пытались работать с внутренним кровотоком.

— Это инженерная традиция.

— Замолчите оба, — сказала Дара. Они замолчали. Вито обнаружил, что впервые не испытывает унижения от приказа лечь. Только раздражение. Это было улучшение. В общий канал вошёл Ашер. Он находился в центре связи, окружённый сотнями голосовых профилей. На столе перед ним лежал контейнер с жёлтыми семенами, но он не жевал.

— У нас проблема с третьей волной, — сказал он.

— Сто двенадцать человек произнесли одну и ту же фразу сразу после пробуждения. Рейн появился рядом с ним на проекции.

— Какую? Ашер включил запись. Мужские, женские и детские голоса говорили с разными акцентами, но одинаковым ритмом: — Я подтверждаю версию, способную продолжить работу. Вито почувствовал холод. Адриан закрыл глаза.

— Формула «Слепой гавани».

— Её создала группа моей матери, — сказал Ашер.

— И она встроена не в память пациентов. Она проявляется в самой процедуре возврата.

Дара проверила медицинские данные.

— Эти люди стабильны.

— Физически, — ответил Ашер.

— Но фраза не принадлежит им. Система использует язык, чтобы закрепить версию личности, наиболее пригодную для работы.

— Мы отключили след Адриана, — сказал Йонас.

— Отключили его активный контур, — ответил Ашер.

— Но нейтральный регистр прошёл через «Тирес», операцию «Слепая гавань» и ранние системы В-7. Язык мог стать частью его способа различать состояния. Рейн вывел список пробуждённых. У нескольких исчезли эмоциональные реакции на семью. Один инженер сразу

потребовал доступ к ядру и не помнил имени дочери. Женщина- медик могла назвать весь протокол возврата, но не понимала, почему плачет человек рядом.

— Остановить следующую волну, — приказала Дара. Совет Анкинона подтвердил остановку через двадцать секунд. Никто не спорил о потере времени. После прежних ошибок сама скорость перестала казаться безусловным добром. Ашер сказал: — Формулу нельзя просто удалить. Система воспримет это как повреждение согласия и может вернуть её из резервной версии.

— Тогда нужна другая формула, — сказал Вито. Все посмотрели на капсулу. Дара нахмурилась.

— Вы не участвуете.

— Я лежу. Это соответствует медицинским требованиям. Ашер приблизил запись.

— Нужна фраза, которая не подтверждает полезность версии, но позволяет человеку вернуться без необходимости сразу определять себя. Рейн сказал: — И которая не создаёт отказ от ответственности за будущие действия.

— Конечно, — сухо ответил Ашер.

— Даже при нейронном распаде право должно получить свою оговорку. Вито слушал повторяющуюся

формулу. «Версия, способная продолжить работу». Слова отца: любовь как награда за решённый механизм. Адриан, выбравший состояние, которое выживет. Каэль, считавший полезность основанием для контроля. Мэд, привыкшая спасать людей так, чтобы потом иметь право решать за них.

— Не спрашивайте, кем человек будет полезен, — сказал Вито.

— Спросите, что принадлежит ему сейчас.

— Нужна конкретная структура, — ответил Ашер. Саана подошла к проекции.

— Имя. Вес тела. Одно чувство, которое человек признаёт своим. И право не знать остальное. Ашер начал собирать фразу.

— «Я называю своё имя, чувствую своё тело и не обязан сейчас выбирать окончательную версию себя». Рейн покачал головой.

— «Окончательная версия» допускает, что такая версия существует.

— Верно. Йонас сказал: — Уберите версии вообще. Они полезны только людям, которые хотят выбрать за других. Ашер переписал: — «Я называю своё имя. Это тело принадлежит мне сейчас. Я могу не понимать себя и всё равно имею право проснуться». В медицинском секторе стало тихо. Дара первой сказала: — Это соответствует текущему согласию. Рейн добавил: — И не освобождает от будущей ответственности.

— Благодарю, — сказал Ашер.

— Теперь фраза официально имеет право существовать.

* * *

Совет Анкинона утвердил новую форму. Ашер записал её не одним эталонным голосом, а сотнями отдельных голосов пробуждённых. Каждый произносил слова по-своему: кто-то сбивался, кто-то менял порядок, кто-то добавлял ругательство. Система должна была понять, что подлинность не означает одинаковость. Первой повторную стабилизацию прошла инженер, забывшая дочь. Её звали Сидни Мелгард. Она назвала имя, почувствовала тяжесть собственного тела и долго не могла признать ни одного чувства. Дочь стояла за медицинским полем. Для неё она была незнакомой взрослой женщиной. — Я раздражена, — сказала она наконец.

— Потому что все ждут, что я буду счастлива. Система приняла. Она посмотрела на дочь.

— Я вас не помню.

— Знаю.

— Но вы плачете из-за меня.

— Да.

— Это неприятно. Она рассмеялась сквозь слёзы.

— Ты всегда так говорила. Память не вернулась чудом. Но в её лице появилось первое личное раздражение, а не функциональное спокойствие. Следующие пациенты начали выходить из закреплённого состояния. У кого-то возвращалась злость, у кого-то страх, у кого-то нежность. Не все

вспоминали семьи. Некоторые не хотели, чтобы их касались. Один ребёнок отказался произносить фразу и потребовал сначала обычной еды. Совет решил, что отказ тоже является подтверждением настоящего выбора, и принял его без процедуры. Ашер работал без перерыва. Через час его голос охрип. Рейн принёс ему воду, поставил рядом и ничего не сказал.

— Это забота или вещественное доказательство? — спросил Ашер.

— Пока вода.

— Улучшение. Рейн посмотрел на записи людей, возвращавших собственные голоса.

— Ваша мать знала, для чего использовали её формулы?

— Не знаю.

— Архив Ивара поможет выяснить.

— Боюсь, что поможет.

— Вы имеете право не открывать его сейчас. Ашер взял семечко, но не положил в рот.

— В детстве она исправляла меня перед всеми. Если я ошибался в одном звуке, она говорила, что человек, не владеющий формой, не владеет мыслью. Я всю жизнь доказывал, что она права. Сегодня мы спасли людей тем, что разрешили им говорить неточно. Рейн сел рядом.

— Значит, она ошибалась.

— Не обязательно во всём.

— Вы всё ещё защищаете её.

— А вы всё ещё хотите арестовать брата. Рейн посмотрел в сторону, где Ивар передавал архив совету Анкинона.

— Да.

— Это помогает?

— Нет.

— Значит, мы оба последовательны. Вито наблюдал за ними через общий канал. Команда продолжала работу без его участия. Ашер нашёл решение. Рейн не превратил архив в собственность комиссии. Йонас и Тарен сохранили регистр. Саана вернула себе имя и помогла другим. Мэд провела поток Каэля через ядро, не позволив ему получить власть. Он должен был чувствовать гордость. Вместо этого сначала пришла обида. Они справились без него. Мысль была мелкой, постыдной и удивительно ясной. Вито привык считать, что хочет только их самостоятельности. Но часть его любила быть тем человеком, без которого всё остановится. Любила благодарность, необходимость, право входить в чужую беду и становиться центром решения. Йонас увидел выражение его лица.

— Что?

— Ничего.

— У вас «ничего» обычно занимает слишком много места. Вито посмотрел на капсулу.

— Они справились.

— Да.

— Хорошо.

— Отвратительно. Вито усмехнулся.

— Немного.

— Поздравляю. Вы обнаружили, что полезность не является формой бессмертия.

— Адриан уже преподавал эту мысль нагляднее.

— Он пока не усвоил. Адриан не спал. Он слышал.

— Вы считаете меня человеком, который продлевает жизнь только ради себя, — сказал он. Йонас повернулся.

— Я считаю вас человеком, который однажды спас друга, затем сделал спасение доказательством собственного права продолжать.

— Я удерживал разрывы, о существовании которых вы не знали.

— И потому решили, что незнакомые люди могут потерять часть будущего без уведомления.

— Потери были малы. Вито сказал: — Не для того, кто потерял единственную возможность выбрать иначе. Адриан посмотрел на него.

— Вы говорите так, потому что теперь можете позволить себе конечность. У вас есть команда, люди, которые запомнят вас, и способность, которую считают важной. Я провёл годы на станции, где никто не произносил моего имени.

— Это объясняет страх.

— Не оправдывает?

— Нет. Ответ причинил Адриану боль. Вито увидел это и не смягчил.

— Но вы спасли меня, — добавил он.

— И раньше, и сейчас. Я не собираюсь делать вид, что этого не было.

— Благодарность с обвинением.

— Другого честного варианта не вижу. Адриан закрыл глаза.

— Раньше вы находили третий.

— Иногда третий путь — способ не назвать два неприятных факта одновременно. Йонас тихо сказал: — Это тоже стоит записать. Саана подошла к Вито позже, когда поток пробуждений стабилизировали. Она выглядела уставшей, но уже не держалась за стену. В руке был серый керамический жетон.

— У меня остался чужой вкус, — сказала она.

— Красный суп с чем-то горьким. И лицо женщины, которую я не знаю.

— Чувство её?

— Она боялась оставлять сына одного. Теперь я смотрю на каждого мальчика и думаю, что должна его найти.

— Вы знаете, что это не ваше.

— Знать недостаточно. Вито поднял ладонь. Медицинское поле позволило ей коснуться только поверхности капсулы, не его кожи.

— Назовите то, что ваше и неприятное. Саана нахмурилась.

— Я злюсь на вас.

— Хорошо.

— Вы снова сделали себя инструментом и оставили нас разбираться, останется ли человек внутри.

— Ещё.

— Я рада, что вы живы. И мне стыдно, потому что часть людей потеряла возможности ради вас.

— Ещё. Она помолчала.

— Я не хочу сейчас помогать всем пробуждённым. Хочу закрыть экран и спать.

— Тогда это и есть ваше.

— Эгоизм?

— Граница. Саана опустила голову.

— Вы говорите правильные вещи, когда лежите и не можете ими командовать.

— Полезное медицинское состояние. Она впервые улыбнулась.

— Отдыхайте.

— Вы тоже.

— Не отдавайте приказ.

— Предложение.

— Тонем приказа. Они оба услышали в этом Дару и улыгнулись ещё раз.

* * *

Мэд пришла в медицинский сектор после завершения третьей волны. На ней был другой костюм — мягче, без военных линий, с усиленной защитой внутренних органов. Высокий воротник остался. В

руке она держала белую керамическую чашку с золотой линией на сколе. Внутри был не кофе, а вода с минеральным раствором. Она остановилась у капсулы, увидев, что Вито не спит. — Как долго?

— Достаточно, чтобы услышать, как вы спасли четыре тысячи человек.

— Не четыре тысячи. Мощность есть. Пробуждение займёт время.

— Вы всё равно это сделали.

— Мы сделали. Он заметил слово.

— Ты вошла в темпоральное поле вопреки запрету Дары.

— Она сняла блокировку.

— Почему был запрет? Мэд посмотрела на чашку.

— После «Тиреса» ты стал следователем?

— Нет. Человеком, который видел реакцию твоего костюма.

— Ты был без сознания.

— Йонас рассказал не всё, но выражение лица у него стало слишком выразительным.

— У Йонаса одно выражение лица.

— Именно поэтому заметно. Мэд ушла к себе рано, сославшись на усталость после обследований. Утром Вито проснулся один в их каюте на Анкилоне — временном жилье, которое им выделили в восстановленном секторе, с настоящей плитой вместо синтезатора и окном, показывавшим не звёзды, а

старую климатическую проекцию неба. Он решил приготовить завтрак — неловко, медленно, то и дело держась за стойку, когда пол казался чуть менее устойчивым, чем был на самом деле. Гравитационный регулятор Йонаса лежал в кармане, но Вито им не пользовался: хотел, чтобы хотя бы утро принадлежало только рукам, а не приборам.

Он резал фрукты, когда услышал, как в санитарном отсеке остановилась вода. Дверь не открывалась дольше, чем требовалось для обычного умывания. Вито не постучал. Он давно научился не торопить тишину, которая исходила от Мэд.

Она вышла сама. Волосы были влажными, воротник рубашки не застёгнут — редкость для неё в любое время суток. В руке Мэд держала маленькую белую полоску, зажатую между двумя пальцами так осторожно, будто боялась, что резкое движение изменит результат. На лице было странное сочетание: полуулыбка, готовая исчезнуть в любую секунду, и взгляд человека, ожидающего, что комната сейчас накренится.

— Что случилось? — спросил Вито, отложил нож и подошёл ближе, ещё не понимая, что видит.

Мэд молча протянула полоску. Вито взял её и не сразу разобрал показания — вся полоса светилась ровным, уверенным голубым светом, без единого сомнения в цвете.

Радость поднялась в нём быстрее, чем он успел о ней подумать. Он не выбирал улыбку — она сама заняла лицо целиком. В следующую секунду он уже подхватил Мэд под руки и закружил на месте, один раз, второй, слишком резко для человека, который сам ещё нетвёрдо стоял на ногах после Анкинона. Она вскрикнула — не от испуга, скорее от неожиданности собственного веса, оторванного от пола, — и на мгновение обхватила его за шею.

Он поставил её обратно, всё ещё держа за плечи, и посмотрел в лицо.

— Ты что? Что с тобой — это же радость, — сказал он, смеясь, не замечая ещё, что смеётся один.

Мэд улыбалась, но улыбка держалась с усилием, будто её приходилось удерживать вручную, как гравитационное поле на разбитом корабле. Радость в ней тоже была настоящей — он видел это в глазах, в том, как она на секунду прижалась лбом к его плечу. Но за радостью пряталось другое: страх настолько давний и настолько привычный, что она, кажется, сама не сразу отличала его от волнения. Страх всего, что случится с ней дальше. Страх снова стать той, кого можно отнять — как отца, как Леона, как саму себя однажды заставили выбирать между беспомощностью и властью.

— Мэд, — тихо позвал Вито, уже чувствуя эту вторую половину.

— Я в порядке, — сказала она, не убедив ни его, ни, кажется, саму себя.

Он не стал давить. Просто взял её руку и держал, пока чайник закипал позади них, а нарезанные фрукты остывали, забытые, на столе.

* * *

Позже, за завтраком, к которому Мэд едва притронулась, она сказала:

— Завтра Дара проведёт углублённое обследование. Настоящее, не полоска из аптечки.

Вито ждал.

— Ты не войдёшь, — добавила она.

— Почему?

— Потому что я запрещаю.

— Это твоё право. Но что обследуют?

Она долго смотрела на него, словно выбирала между ложью, приказом и правдой, которая даст ему слишком много надежды.

— Всё, — сказала она наконец. — Срок. Состояние. То, чего я ещё не готова знать сама.

— Хорошо.

Мэд не поверила.

— Ты всегда говоришь «хорошо», а потом находишь другой выход. — Я не войду без разрешения.

— И не стой рядом. Он помолчал.

— Это уже не медицинская граница.

— Это моя граница.

— Хорошо. На этот раз она услышала разницу. Вито хотел спросить о сроке. О риске. О том, почему она выглядит не счастливой, а пойманной. Хотел сказать, что любит её, но это слово сейчас могло прозвучать как требование семьи и прежней близости.

— Дара сказала, что всё стабильно? — спросил он только.

— На текущий момент.

— Тогда я рад этому. Не будущему, которое придумал. Только тому, что сейчас вы оба живы. Мэд посмотрела на него. В глазах на мгновение появилось что-то мягкое, почти болезненное.

— Ты не умеешь радоваться маленьким вещам.

— Учусь. Она взяла чашку.

— Спи.

— Это приказ?

— Да.

— Тогда придётся возразить из принципа. Мэд впервые за долгое время тихо рассмеялась. Смех оборвался быстро, но был настоящим. Она ушла, не прикоснувшись к капсуле. Вито остался один с механической птицей, слабым светом матрицы и радостью, которая не знала, имеет ли право существовать. За гермополем Мэд остановилась. Положила ладонь на живот,

теперь уже не прерывая движение, и закрыла глаза. Она считала даты. И с каждым расчётом страх становился точнее.

Запись для «Ариадны» (личный дневник)

— Очнулся, спросил про птицу раньше, чем вспомнил своё полное имя. Отказался от памяти Адриана о потерянных сорока минутах — не хочу помнить чужим способом организации фактов, даже если это будет стоить мне знания о собственном решении в ядре. Формула «версия, способная продолжить работу» звалась голосом сотни разбуженных людей, пока мы не заменили её на «я имею право проснуться, даже не понимая себя». Записываю рядом с этим главное: Мэд беременна. Она сказала это как обвинение себе, а не как новость. Я улыбнулся раньше, чем успел испугаться, и она это увидела. Просила не ждать у двери. Постараюсь. Не уверен, что умею.

Глава 3. Не ждать у двери

На Анкиноне снова появилось утро. Не настоящее — город всё ещё находился под поверхностью планеты, скрытый от звезды слоями камня, фазовых полей и старой причинной маскировки. Но бытовые системы восстановили суточный ритм. Стены постепенно становились светлее, вентиляция меняла

температуру, а молекулярные переработчики выпускали в жилые сектора запах тёплого хлеба, которого никто не пёк. Для людей, проснувшихся после двадцати лет, эта имитация оказалась важнее точного времени. Вито наблюдал за новым утром из медицинского сектора. Капсулу уже открыли, но самостоятельно ходить Дара не разрешала. Вдоль позвоночника сохранялось мягкое гравитационное поле, а повреждённые сосуды поддерживала внутренняя регенерационная система. Каждый резкий поворот головы вызывал короткий сдвиг зрения: комната на долю секунды показывала себя в другом состоянии, затем возвращалась. Он учился не следовать за этими отражениями. На соседней платформе спал Адриан. Без внешнего контура его возраст продолжал проявляться — неравномерно. Иногда кожа на лице становилась тонкой и почти прозрачной, потом снова возвращалась к состоянию человека лет шестидесяти. Регенерационная система не могла определить исходный биологический возраст и поддерживала только те ткани, которые принадлежали ему во всех доступных состояниях. Йонас стоял возле открытой панели и спорил с медицинской системой. — Я не отказываюсь от лечения, — говорил он.

— Я корректирую его продолжительность. Система отвечала спокойным голосом: — Самовольное сокращение регенерационного цикла повышает риск повторного кровотечения на тридцать восемь процентов.

— У меня есть работа.

— Работа не является медицинским показателем.

— Это вы Тарену скажите.

— Инженер Тарен завершил рекомендованный цикл. Йонас посмотрел на Вито.

— Предатель.

— Он просто умнее вас.

— Вы ещё не восстановились достаточно, чтобы делать такие выводы. Вито медленно поднялся. Гравитационное поле приняло часть веса, но ноги всё равно показались чужими. Он сделал два шага до стены и остановился, когда пол на мгновение наклонился в сторону, которой не существовало. Йонас заметил.

— Куда?

— Пройтись.

— Медицинская система предлагает маршрут длиной двадцать четыре метра.

— Я не спрашивал систему.

— Поэтому спрашиваю я. Вито посмотрел на время. До обследования Мэд оставалось сорок минут.

— В жилой сектор.

— Конечно.

— Там пробуждённые.

— И совершенно случайно репродуктивный медицинский модуль находится по пути.

Вито ничего не ответил. Йонас закрыл панель.

— Она запретила вам приходить.

— Я не собираюсь входить.

— Она запретила ждать рядом.

— Я не буду рядом.

— Какое расстояние вы считаете нравственно достаточным?

— Это не ваше дело.

— Тогда точно собираетесь сделать глупость. Вито направился к выходу. Медицинское поле следовало за ним невидимым коконом, перераспределяя нагрузку на ноги. Йонас догнал его.

— Вы дали слово.

— Я сказал, что не войду без разрешения.

— Она отдельно сказала не стоять рядом.

— Я не собираюсь стоять у двери. Йонас остановился.

— Вы сейчас разбираете фразу так же, как систему: ищите технический проход, чтобы не выполнить смысл. Вито почувствовал раздражение, потому что инженер был прав.

— Я хочу убедиться, что она выйдет сама.

— Дара сообщит вам, если произойдёт опасность.

— Мэд запретила ей сообщать.

— Именно.

— Речь может идти о ребёнке.

— Речь идёт о её теле. Вито отвернулся. По коридору прошла группа пробуждённых. Двое поддерживали мужчину, который всё ещё не привык к обычной гравитации. Рядом шла девочка лет десяти и

объясняла взрослым, что теперь вода из городского фонтана падает вверх только по нечётным циклам. Никто не поправлял её. После слишком многих правильных формул Анкинон училась оставлять место выдумке.

— Я не войду, — повторил Вито.

— Это низкая планка.

— Другой пока нет. Йонас изучал его несколько секунд.

— Тогда возьмите хотя бы медицинский стабилизатор.

— Он выдаст моё положение Даре.

— В этом и смысл.

— Нет. Йонас вытащил из кармана маленький физический регулятор. На корпусе не было интерфейса, только поворотное кольцо.

— Это не передатчик. Он ограничит гравитационную поддержку, если вы потеряете ориентацию.

— Вы носите аварийные регуляторы в карманах?

— Я ношу полезные вещи. В отличие от некоторых, которые носят чувство ответственности без инструкции. Вито взял устройство.

— Спасибо.

— Не благодарите. Я помогаю вам нарушить границу безопаснее, что делает меня соучастником и раздражает.

— Можете не идти.

— Не собирался. Йонас развернулся к медицинскому сектору, затем добавил: — Когда она разозлится, не объясняйте, что делали это из любви. Это только ухудшит. Вито ничего не ответил.

* * *

Репродуктивный модуль находился в старом семейном секторе Анкинона. После пробуждения его восстановили одним из первых, хотя пока там работала только Дара. Медицинская архитектура не напоминала клинику. В центре помещения висела прозрачная сфера с медленным внутренним светом. Она не сканировала тело извне, а создавала вокруг пациента локальную квантово-биологическую среду, где клетки могли быть считаны без вторжения и фиксации. Мэд вошла одна. На ней был мягкий серый костюм без знаков командования. Высо-

кий воротник всё равно оставался застёгнутым. Белую чашку с золотой линией она оставила снаружи — запах даже слабого кофе вызывал тошноту. Дара закрыла входное поле. — Никто не имеет доступа к процедуре, — сказала она.

— Даже совет Анкинона получает только анонимный расход медицинской мощности.

— Вито?

— Не запрашивал доступ. Мэд посмотрела на неё.

— Пока. Сфера раскрылась, позволяя ей войти. Внутри не было поверхности. Локальное инерционное поле удерживало тело в удобном положении, не касаясь кожи. Свет стал мягче, затем исчез. Вместо него вокруг Мэд возникла объёмная карта организма: кровоток, нервная активность, молекулярные

сигналы, работа защитной оболочки. Второй ритм проявился как маленькая область золотистого света в нижней части живота. Не изображение ребёнка — для этого было слишком рано. Только отдельная биологическая организация, которая уже не являлась продолжением её тела. Мэд отвернулась.

— Не показывайте визуализацию. Дара свернула объёмную карту до медицинских показателей.

— Хорошо.

— Срок?

— Морфологически пять недель и шесть дней. Но после воздействия темпоральных и причинных полей возможное отклонение составляет до восьми суток. Мэд закрыла глаза. Восемь суток. Слишком много, чтобы получить ответ. Достаточно, чтобы не получить покоя.

— Состояние?

— На текущий момент нормальное. Генетические и молекулярные структуры стабильны. Воздействие Анкинона не создало обнаруживаемых повреждений.

— «На текущий момент» вы говорите слишком часто.

— Потому что медицина не обязана обещать будущее.

— Риски? Дара вывела три отдельных показателя.

— Фазовое ранение на «Ариадне», контакт с ядром Анкинона и недавний темпоральный градиент повышают риск потери. Но беременность закрепилась лучше, чем я ожидала.

— Почему?

— Не знаю. Возможно, ранний эмбрион меньше связан с причинными системами и потому не был включён в выбор версий. Мэд открыла глаза.

— Или был включён, но система выбрала его.

— Такой возможности исключить нельзя.

— Значит, это тоже может быть не первоначальное состояние. Дара посмотрела на неё.

— Для вас имеет значение, существовала ли другая версия беременности?

— Теперь да.

— Это тот же вопрос, который вы задаёте о Вито.

— Не сравнивайте.

— Я не сравниваю людей. Только страх. Сфера изменила гравитацию, возвращая Мэд вертикальное положение.

— Можно определить отцовство? — спросила она. Дара не изменилась в лице.

— Да.

— Сейчас?

— Потребуется эталонные нейронно-генетические профили предполагаемых отцов либо их добровольно переданные медицинские образцы.

— Без уведомления?

— Нет.

— У Вито есть старые медицинские данные.

- Использование их для этой цели без его согласия незаконно и неэтично.
- Каэль передавал биоподпись при подключении.
- Энергетическая биоподпись не является репродуктивным согласием. Мэд усмехнулась без веселья.
- Все вокруг внезапно научились спрашивать разрешение.
- Возможно, поздно. Но научились.
- А если я не хочу знать?
- Тогда не узнаете.
- Это опасно для ребёнка?
- Нет. Потребность в генетической коррекции сейчас не обнаружена. Мэд коснулась воротника.
- Сколько времени у меня на решение? Дара поняла, что вопрос не только об отцовстве.
- На решение о продолжении беременности? Мэд не ответила.
- Самое безопасное окно для медицинского прерывания остаётся открытым несколько дней, — сказала Дара.
- Позже процедура тоже возможна, но после ваших фазовых повреждений риск возрастёт.
- А если продолжать?
- Ваша репродуктивная система после многолетних переходных нагрузок восстановлена не полностью. Это может быть последняя беременность, которую организм способен поддержать без искусственного выращивания. Мэд посмотрела на закрытую медицинскую карту.
- Вы пытаетесь повлиять?
- Нет.
- Фраза «последняя возможность» всегда влияет.
- Тогда забудьте её. Решение не обязано учитывать будущую потерю возможности.
- Легко говорить человеку, у которого есть право не выбирать сейчас.
- У вас оно тоже есть. Но время существует независимо от справедливости.
- * * *

Мэд вышла из сферы. Ноги держали её, однако тело ощущалось иначе — не тяжелее, а уже не полностью принадлежащим только ей. Это чувство вызывало не нежность. Раздражение и страх. — Я не хочу, чтобы Вито видел результаты.

- Не увидит.
- И Каэль.
- Не увидит.
- Никаких анонимных сопоставлений.
- Зафиксировано.
- И никаких выводов о том, что я счастлива или несчастна. Дара убрала медицинскую карту.

— Это не медицинский показатель. Мэд взяла чашку и вышла из модуля. Вито находился не у двери. Он сидел в восстановленном саду через два сектора, на площадке, откуда был виден единственный маршрут из семейного медицинского блока. Над ним медленно двигались искусственные облака, сформированные климатическим полем. Рядом в воздухе висели капли гравитационного фонтана. Несколько детей пытались соединить их руками в один шар. Вито выбрал место достаточно далеко, чтобы иметь возможность сказать: он не ждал у двери. И достаточно близко, чтобы увидеть Мэд первой. Она заметила его сразу. Не по лицу. По медицинскому полю, которое не мог полностью скрыть даже механический регулятор Йонаса. Пространство вокруг Вито слегка меняло плотность, поддерживая повреждённое тело. Мэд

остановилась. Он поднялся слишком быстро. Сад качнулся, и аварийный регулятор усилил гравитационную опору.

— Всё нормально? — спросил он. Мэд медленно подошла.

— Ты здесь.

— Не у двери.

— Я вижу.

— Я не входил.

— Я вижу и это. Он услышал холод в голосе, но всё ещё хотел объяснить.

— Я сидел далеко.

— Достаточно далеко, чтобы сохранить собственное определение слова «рядом». Вито замолчал. Дети у фонтана перестали шуметь, почувствовав

напряжение. Мэд посмотрела на них, и они отошли к другой части сада.

— Я хотел убедиться, что ты выйдешь сама, — сказал Вито.

— Дара бы сообщила, если бы я не вышла.

— Ты запретила.

— Да.

— Значит, я бы не знал.

— Именно этого я хотела. Ответ оказался простым и неприятным.

— Я не просил результатов.

— Но пришёл получить моё лицо после них. Вито почувствовал, как внутри поднимается защита: он ничего не требовал, не вошёл, не следил за процедурой, не взломал данные. Все буквальные условия он выполнил. Йонас был прав: Вито разобрал фразу, чтобы не выполнить её смысл.

— Да, — сказал Вито. Мэд явно не ожидала такого ответа.

— Что «да»?

— Я пришёл увидеть, как ты выйдешь. И понять по тебе, всё ли хорошо. Это было нарушением.

— Не говори так спокойно, будто уже исправил.

— Не исправил.

— Ты обещал.

— Я обещал не входить и не ждать у двери. А потом использовал собственные слова как проход. Она смотрела на него, и злость постепенно уступала место боли, которая была хуже.

— Ты всегда находишь формулировку, в которой остаёшься хорошим человеком.

— Сейчас не нашёл.

— Потому что я поймала?

— Потому что Йонас сказал до того, как я пришёл. Мэд почти рассмеялась.

— И ты всё равно пришёл.

— Да.

— Тогда зачем признаёшь?

— Чтобы не делать твою злость ещё одной задачей, которую я должен решить. Она отвела взгляд. Гравитационный фонтан поднял несколько капель выше. Одна оторвалась от поля и упала на пол обычной водой.

— Обследование прошло нормально, — сказала Мэд. Вито почувствовал облегчение, но не позволил ему сразу появиться на лице.

— Спасибо, что сказала.

— Не за это.

— Понимаю.

— Нет, не понимаешь. Я говорю, чтобы ты ушёл, а не чтобы мы разделили радость. Он кивнул.

- Хорошо.
- И не иди за мной. Вито повернул кольцо регулятора, ограничивая гравитационную поддержку, и остался на месте. Маленький жест — единственный, который ещё мог сделать.
- Не пойду. Мэд сделала несколько шагов, потом остановилась.
- Ты рад?
- Да.
- Всё ещё?
- Да.
- Даже если я не знаю, что буду делать? Радость внутри Вито сжалась, но не исчезла.
- Это твоё решение.
- Правильный ответ.
- Не поэтому. Она повернулась.
- А если решение тебе не понравится? Вито не ответил сразу. Он представил потерю ребёнка, которого уже успел увидеть в несуществующей кухне. Увидел собственную боль и желание назвать её общей. Потом заставил себя вернуться к настоящему саду.
- Мне может быть больно, — сказал он.
- Но боль не даст мне право решать за тебя. Мэд долго смотрела на него.
- Ты научился говорить это после того, как пришёл без разрешения.
- Видимо, медленно учусь.
- Слишком медленно.
- Да. Она ушла. Вито остался в саду один. Он не последовал за ней. Это не исправляло нарушения. Но хотя бы не продолжало его. Через несколько минут рядом появился Йонас.
- Она ушла в другую сторону, — сказал Вито.
- Я не искал её.
- Тогда зачем пришли?
- Медицинская система сообщила, что ваш стабилизатор находится дальше разрешённого маршрута.
- Вы всё-таки подключили его.
- Нет. Он испускает очень раздражающий аварийный импульс, когда владелец ведёт себя предсказуемо. Вито протянул устройство. Йонас не взял.
- Оставьте. Судя по всему, пригодится. Они молча смотрели на искусственные облака.
- Вы были правы, — сказал Вито.
- Я знаю. Но можете уточнить, о чём именно. Хочу сохранить запись.
- Я искал технический проход в её словах.
- Да.
- И всё равно пришёл.
- Тоже да.
- Почему вы не остановили? Йонас пожал плечами.
- Потому что вы должны иногда совершать собственные ошибки. И потому что физически остановить вас после внутреннего кровотечения было бы унижительно для нас обоих. Вито усмехнулся.
- Спасибо за поддержку.
- Это не поддержка. Наблюдение за редким процессом обучения. Они посидели ещё немного.
- Вы рады? — спросил Йонас.
- Очень.
- Это заметно.
- Она боится.
- Тоже заметно.

— Я не знаю, чего именно. Йонас посмотрел на него.

— Тогда не заполняйте неизвестное собой. Фраза прозвучала почти как совет Адриана, но означала противоположное. Вито кивнул.

* * *

В медицинском секторе Адриан пришёл в сознание одновременно с активацией нейтрального регистра. Четыре смещённые пластины N-0 снова возникли над чёрным многогранником. На этот раз структура не исчезла. Она медленно вращалась вокруг пустого центра, и пространство внутри него показывало звёздное поле, которого не было над Анкиноном. Ашер, Рейн и Тарен находились рядом. Саана наблюдала из-за закрытого экрана. — Это канал? — спросил Рейн.

— Нет, — ответил Тарен.

— Канал соединяет две точки. Здесь вторая точка не существует в нашей геометрии. Адриан поднялся с восстановительной платформы, несмотря на предупреждения.

— Она ответила.

— Кто? — спросил Ашер. — N-0.

— Нейра? Адриан подошёл ближе. Свет регистра разделил его лицо на несколько возрастов.

— Я не знал этого имени.

— Но знали её.

— Она нашла меня после аварии. «Тирес» уже терял устойчивость. Моё тело существовало в нескольких временных состояниях, и ни одно не могло удержаться достаточно долго.

— Она спасла вас, — сказал Рейн.

— Открыла возможность выжить.

— Разница?

— Тогда я тоже её не понял. В пустом центре пластин появилась женская фигура. Не объёмная запись. Свет в зале просто начал вести себя так, будто человек стоял перед ними. Серо-голубой плащ падал складками, не подчиняясь местной гравитации. Лицо Нейры было бледным и спокойным, но при взгляде на Адриана спокойствие исчезло.

— Ты всё-таки превратил окно в клетку, — сказала она. Адриан побледнел.

— Ты оставила меня умирать с объяснением, которое не мог понять.

— Я оставила тебе выход.

— На несколько часов.

— На одну возможность.

— Которая закончилась бы смертью.

— Да. Он рассмеялся. Без радости.

— Для вас смерть всегда кажется нравственно чистой, потому что вы смотрите на неё снаружи. Нейра приблизилась. Её изображение не двигалось в обычном смысле. Просто расстояние между ними перестало существовать.

— Я не снаружи, Адриан.

— Тогда почему не стареешь?

— Потому что сейчас ты видишь не всё, чем я являюсь.

— Удобно. Йонас вошёл в зал вместе с Вито. Последнему пришлось опираться на локальное гравитационное поле, но он отказался от платформы. Нейра увидела его. На мгновение её лицо стало таким человеческим, что вся почти метафизическая структура вокруг показалась маской.

— Вито. Он остановился.

— Мы встречались?

— Да.

— До капсулы?

— И после. Только не всегда в том порядке, в котором ты мог помнить. Адриан повернулся к нему.

— Она знала, что произойдёт с В-7.

— Частично, — сказала Нейра.

— И всё равно позволила.

— Я открыла возможность, в которой он мог выбрать.

— Вы все любите это слово. Возможность. Оно освобождает от ответственности за итог.

Нейра посмотрела на него.

— Нет. Оно оставляет ответственность тому, кто выбирает.

— Я выбрал жить.

— А потом заставил других оплачивать выбор, которого они не делали. В зале стало тихо. Адриан подошёл к четырём пластинам. Поле непрерывности вокруг него отозвалось на их присутствие. На мгновение его тело стало молодым, почти таким, каким Вито видел его в старой записи.

— Ты дала мне технологию, которая удерживала меня между состояниями.

— Я не давала технологию.

— Ты показала принцип.

— Чтобы ты смог завершить выход и принять конечное состояние.

— Конечное. Он произнёс слово с ненавистью.

— Я удерживал «Тирес». Закрывал маршруты. Сохранил Вито. Сколько людей погибло бы, если бы я принял твою красивую конечность?

— Меньше, чем ты говоришь себе.

— Ты не знаешь.

— Знаю достаточно. Нейра подняла руку. Вокруг регистра возникли тысячи слабых областей — не лица и не имена, а пустоты в вероятностном спектре. Нереализованные восстановления. Неслучившиеся отказы. Годы жизни, которые никогда не стали частью чьего-то времени. Саана зажмурилась, хотя экран оставался закрытым.

— Уберите, — сказала она. Нейра сразу опустила руку. Области исчезли.

— Простите. Адриан смотрел на пустой воздух.

— Это не доказательство.

— Для тебя никогда не было доказательством то, что требовало остановиться. Вито подошёл ближе.

— Что именно она сделала с вами? Адриан не ответил.

— После аварии его непрерывность распалась, — сказала Нейра.

— Я открыла ему состояние, в котором тело и сознание могли снова совпасть. Это должно было продлиться до выхода из «Тиреса».

— Но он закрепил состояние.

— Да.

— За счёт других?

— Сначала за счёт собственных будущих возможностей. Потом, когда они иссякли, контур начал искать связанную когерентность. Адриан резко повернулся.

— Он не «начал искать». Я направил его. Признание прозвучало громче обвинения. Рейн активировал запись, но не поднял интерфейс между ними.

— Вы знали.

— Не сразу. Потом понял. Потери были малы, а разрыв продолжал расти.

— И вы продолжили, — сказал Вито.

— Да. Нейра посмотрела на него не с торжеством, а с печалью.

— Почему говоришь сейчас?

— Потому что устал слышать версию, в которой технология сделала выбор сама. Йонас тихо произнёс: — Наконец точная формулировка. Адриан посмотрел на него.

— Не благодарите.

— Не собирался. Четыре пластины N-0 начали закрываться.

— Подождите, — сказал Вито Нейре.

— Где вы?

— На «Ариадне». И не только.

— Это снова удобный ответ.

— Я учусь у вашей команды. Он почти улыбнулся.

— Вы можете прийти на Анкинон?

— Физически — нет. Маршрут ещё закрыт. Но теперь регистр удерживает отражение достаточно долго.

— Ты пришла только потому, что увидела свой след в системе, — сказал Адриан.

— Я пришла, потому что он проснулся. Она смотрела на Вито.

— И потому что твой друг снова решил, что имеет право выбирать, какая твоя версия останется. Адриан напрягся.

— Я спас его.

— Да.

— Ты говоришь так, будто это не имеет значения.

— Имеет. Поэтому всё сложнее. Пластины начали смещаться быстрее. Нейра повернулась к Адриану.

— Твой контур больше не сможет брать длительность у пациентов Анкинона. Регистр закрыл доступ.

— Тогда моё состояние продолжит разрушаться.

— Да.

— Сколько?

— Не знаю.

— Лжёшь.

— Нет. Впервые твоя жизнь принадлежит только твоему телу. Связь исчезла. Свет в зале вернулся к обычной геометрии. Четыре пластины остались над регистром, но пустой центр больше не показывал звёзд. Адриан стоял неподвижно. Медицинская система сразу зарегистрировала ускорение биологического старения. Тарен вывел показатели.

— Ваше поле теряет устойчивость.

— Я вижу.

— Можно замедлить обычной медициной.

— Насколько?

— Не знаю. Адриан посмотрел на Вито.

— Она всегда оставляет других с конечностью, которую сама не принимает.

— Возможно, — сказал Вито.

— Но решение использовать чужое будущее приняли вы. Адриан закрыл глаза.

— Ты уже выбрал её сторону.

— Нет.

— Тогда чью?

— Не сторону. Факт. Он хотел добавить что-то ещё, но слабость прокатилась по телу, и гравитационное поле едва удержало его на ногах. Йонас подхватил Вито за локоть.

— В медицинский сектор.

— Я могу идти.

— Уже продемонстрировали. Адриан смотрел, как Йонас помогает ему, не спрашивая разрешения, но и не решая, кем он должен быть. Вито заметил этот взгляд.

— Мы ещё поговорим, — сказал он.

— Когда?

— Когда вы перестанете отвечать вопросом. Адриан слабо улыбнулся.

— Тогда меньше минуты. Это была старая шутка. Вито не помнил её полностью, но тело узнало ритм. Он улыбнулся в ответ. И от этого стало больше всем троим.

Запись для «Ариадны» (личный дневник)

— Йонас был прав: я разобрал её слова так же, как разбираю систему — искал технический проход, чтобы не выполнить смысл. Пришёл в сад, не к двери, и всё равно был там, где мог увидеть её первой. Она поймала это сразу. «Ты уже сказал лицом» — про радость, которую я не смог спрятать, хотя должен был дать ей право первой решить, чем эта новость является. Обследование прошло нормально. Она сказала это, чтобы я ушёл, не чтобы мы разделили радость — и я ушёл. И где-то в это же время Нейра вернулась — не физически, через регистр N-0 — и обвинила Адриана в том, что он тайно кормил своё бессмертие чужими годами, включая, возможно, мои. Он не отрицал. Впервые за всё время, что я его знаю.

Глава 4. Голос без приказа

Адриан постарел за ночь ещё на несколько лет. Медицинская система Анкинона не могла определить точное число. Его клетки больше не следовали одной биологической шкале: часть тканей помнила девять субъективных лет на «Тиресе», часть возвращалась к возрасту, который накопился снаружи, а некоторые нервные узлы существовали только благодаря прежнему полю непрерывности. Дара перестала выводить на экран предполагаемую дату смерти. Диапазон получался слишком широким и потому ничего не значил. Сам Адриан отнёсся к этому хуже, чем показывал. Он потребовал зеркало, получил

объёмную проекцию лица и немедленно отключил её. Затем трижды переставил медицинские инструменты на столе так, чтобы их края лежали параллельно. Левая рука не работала, поэтому он делал это правой медленно, с раздражающей тщательностью. Вито наблюдал из соседней восстановительной зоны. После разговора с Мэд он почти не спал. Радость о ребёнке продолжала существовать рядом со стыдом за нарушенную границу, страхом перед её решением и пониманием, что он пока не имеет права спрашивать ни о сроке, ни об отцовстве, ни о будущем, которое уже успел придумать. — Вы всегда выравнивали предметы? — спросил он. Адриан не обернулся.

— Только когда рядом находился человек, способный разобрать часы не с той стороны.

— Значит, это моя вина.

— Наконец признание. Старая лёгкость между ними возникла на секунду и тут же исчезла. Вито не помнил большинства разговоров, из которых она выросла. Адриан помнил слишком много и всё ещё пытался распоряжаться этой разницей.

— Нейра сказала, что ваш доступ к чужой длительности закрыт, — произнёс Вито.

— Я слышал.

— Что будете делать?

— Жить столько, сколько позволит обычная медицина.

— Вы говорите как человек, который уже ищет способ обойти условие. Адриан наконец повернулся.

— А вы говорите как человек, который хочет получить доказательство моего исправления раньше, чем я успел испугаться. Вито не ответил сразу.

— Вы испугались?

— Да. Признание прозвучало без привычного украшения. Вито почувствовал жалость и не позволил ей превратиться в прощение.

— Хорошо, — сказал он.

— Что именно хорошо?

— Что это ваш страх. Не чужое будущее, которое можно использовать вместо него. Адриан усмехнулся.

— Вы научились быть невыносимым без помощи отца. Дверь медицинского сектора стала прозрачной. За ней стоял Ашер с контейнером жёлтых семян в одной руке и архивным модулем Ивара в другой. Модуль напоминал тёмную пластину без интерфейса. На её поверхности двигались слабые участки света, но не образовывали ни текста, ни схемы.

— Комиссар Рейн требует присутствия Вито при открытии архива, — сказал Ашер.

— Дара требует, чтобы Вито оставался в медицинском секторе. Йонас требует, чтобы все перестали требовать. Я пришёл за решением, которое позволит мне вернуться к работе.

— Откройте здесь, — предложил Вито.

— Архив защищён от стационарных систем. Если внести его в медицинскую сеть, он решит, что его принуждают к раскрытию, и уничтожит часть содержимого.

— У архива есть представление о принуждении?

— У его создателей было. Архив лишь последовательно имитирует их паранойю. Адриан протянул руку.

— Дайте посмотреть. Ашер не двинулся.

— Нет.

— Вы даже не знаете, как он устроен.

— Поэтому и не даю человеку, который несколько десятилетий считал незнание окружающих удобным условием работы. Адриан посмотрел на Вито.

— Ваш новый связист груб.

— Он лингвист.

— Это не объяснение.

— Для Ашера — почти медицинский диагноз. Ашер открыл рот, затем решил, что ответ подтвердит чужую шутку, и промолчал.

* * *

Архив перенесли в старый коммуникационный центр Анкинона. Помещение находилось в верхнем секторе города, ближе всего к причинной маскировке поверхности. Отсюда двадцать лет назад передавали отчёты о состоянии колонии, и именно здесь последняя эвакуационная команда была заменена приказом о сохранении проекта. Стены центра не имели постоянной формы. В зависимости от типа связи они становились прозрачными, отражающими или полностью исчезали из восприятия. Сейчас зал выглядел почти пустым. В центре висела сфера квантовой памяти, изолированная от городских

систем нейтральным вакуумным полем. Рейн ждал рядом с Иваром. Братья стояли достаточно далеко друг от друга, чтобы никто не принял физическую близость за примирение. Йонас и Тарен работали у противоположных участков сферы, проверяя, не попытается ли архив подключиться к регистру Анкинона. Саана сидела у стены. После столкновения с тысячами возможных состояний она держала экран полностью закрытым. Серый керамический жетон лежал на колене. Внешне она казалась спокойной, но пальцы слишком часто проверяли его края. Мэд находилась в энергетическом центре. После обследования она не пришла к Вито и не отправила сообщение. Он знал, что она помогает восстанавливать корабль Каэля: его кварковое ядро погибло, двадцать семь человек оставались без переходной тяги, а часть жизненных систем была построена на архитектуре народа Каэля, которую Тарен понимал только теоретически. Вито не пошёл к ней. Это не было великодушием. Просто одна правильно выполненная граница после нарушенной. Дара разрешила ему присутствовать при открытии архива только в поддерживающем гравитационном кресле. Вито согласился без спора, чем заставил Йонаса проверить медицинские показатели на предмет нового повреждения личности. — Архив «Слепой гавани» содержит журналы операций, нейронные профили, языковые конструкции согласия и личные записи участников, — сказал Ивар.

— Он не подчиняется голосовой команде. Для открытия нужно воспроизвести состояние, в котором мы его украли.

— Какое? — спросил Рейн.

— Мы не знали, кому можно доверять. Каждый участник группы считал, что хотя бы один из остальных уже заменён более послушной версией.

— Уютная рабочая обстановка, — заметил Йонас. Ивар продолжил: — Поэтому архив проверяет не идентичность человека, а расхождение между людьми. Если все дают одинаковый ответ, доступ блокируется. Ашер приблизился к пластине.

— Он признаёт несовпадение признаком свободы.

— Да.

— Тогда почему не открылся при транспортировке? Мы спорили постоянно.

— Спор должен относиться к одному и тому же вопросу. Рейн вывел юридическую формулировку: — «Должны ли материалы архива быть открыты совету Анкинона, федеральной комиссии и присутствующим специалистам?» — Нет, — сразу сказал Ивар.

— Да, — ответил Рейн.

— Частично, — произнёс Ашер.

— Сначала технические журналы, — сказал Тарен.

— Сначала описание физической защиты, — возразил Йонас. Саана подняла голову.

— Я не хочу, чтобы его открывали рядом со мной. Все посмотрели на неё.

— Почему? — спросил Вито.

— Потому что в нём много людей, которые боялись исчезнуть. Я не хочу снова чувствовать их одновременно.

— Это текущий отказ? — спросил Ашер.

— Да. Он повернулся к Ивару.

— Достаточно? Поверхность архивной пластины изменилась. Свет собрался в семь неравномерных областей — по числу разных ответов. Затем сфера квантовой памяти открыла вокруг себя внемерный объём. Зал не увеличился, но внутри него появилось пространство, способное вместить годы записей.

— Достаточно, — сказал Ивар. Архив начал с голосов. Не с военных отчётов и не с технических журналов. Люди называли имена, должности и то, чего боялись потерять при следующем переходе. Кто-то говорил о памяти дочери, кто-то о способности чувствовать музыку, кто-то о ненависти к командиру, которую считал важной частью себя. Один солдат просил не возвращать его в состоянии, где он снова согласится участвовать. Ашер слушал неподвижно. Затем появился голос его матери. Элина Восс говорила спокойно и безупречно. В каждом слове стояло правильное ударение, паузы имели одинаковую длину, дыхание не попадало в запись.

— Язык является последним уровнем непрерывности, — сказала она.

— Тело может быть восстановлено, память частично реконструирована, но человек остаётся собой, пока способен формировать собственное высказывание. Ашер закрыл глаза.

— Она всегда так говорила, — произнёс он.

— Даже дома. Запись продолжилась: — Для предотвращения распада личности создана форма опережающего согласия. Система моделирует ответ человека в состоянии полного понимания и

использует его при невозможности получить текущую волю. Рейн нахмурился.

— Она прямо описывает подмену.

— Тогда это называли медицинским решением, — сказал Ивар.

— Она знала о военном применении?

— Послушайте дальше. Элина вывела несколько фраз. Среди них была та, которую произнесли сто двенадцать пробуждённых Анкинона: «Я подтверждаю версию, способную продолжить работу».

— Конструкция исключает грамматического субъекта после подтверждения, — сказал Ашер.

— Человек называет себя только в начале. Дальше действует уже версия.

— Это было намеренно? — спросил Вито.

— Разумеется. Моя мать не допускала случайных конструкций. На записи Элина остановилась. Впервые дыхание попало в голосовой профиль.

— В ходе испытаний выявлено, что единая форма увеличивает устойчивость восстановленных операторов. Индивидуальные отклонения рекомендуется исправлять до передачи в медицинскую систему. Ашер открыл глаза.

— Она исправляла людей как произношение. Саана сказала из-за закрытого экрана: — Вы злитесь.

— Да.

— Это ваше?

— Очень. Архив показал следующий журнал. В нём операторы возвращались после переходов. Они выполняли задания точно, не боялись повторного входа и почти не задавали вопросов. Один мужчина не узнавал жену, но мог перечислить семьсот вариантов аварийной эвакуации. Женщина забыла собственное имя и называла себя функцией медицинского сопровождения. Ивар отключил изображение.

— После этого часть группы решила украсть архив.

— А Элина Восс? — спросил Рейн.

— Осталась в проекте. Ашер положил семечко под язык.

— Значит, всё просто.

— Нет, — сказал Ивар.

— Перед нашим уходом она изменила одну из формул. Мы заметили только через годы. Он вывел строку исходного кода языка. Для остальных это выглядело как ряд символов и темпоральных меток. Ашер наклонился ближе.

— Здесь ошибка.

— Какая? — спросил Йонас.

— Невозможное согласование. Глагол относится одновременно к говорящему и к слушающему, но оба находятся в разных временах.

— Она могла ошибиться? — спросил Вито. Ашер почти обиделся.

— Нет. Он увеличил фрагмент. Ошибка повторялась через неравные интервалы. Недостаточно часто,

чтобы система признала её структурой, и недостаточно редко, чтобы считать случайностью.

— Это скрытый слой, — сказал Ашер.

— Она использовала неправильность как канал. Рейн подошёл ближе.

— Можете прочитать?

— Не сразу.

— Почему?

— Потому что он написан для человека, который знает, какие ошибки она никогда бы не простила. Вито увидел, как Ашер одновременно хочет открыть сообщение и боится, что оно оправдает мать. Или осудит её окончательно.

— Вы можете остановиться, — сказал он.

— Нет.

— Можете.

— Именно поэтому не буду. Ашер работал одиннадцать минут. Система Анкинона предлагала лингвистические модели, но он отключил их. Любой предиктивный анализ мог исправить ошибки и уничтожить скрытый смысл. Он читал паузы, неверные окончания, смещённые ударения и места, где дыхание матери нарушало идеальный ритм. Постепенно возникла фраза: «Если все отвечают одинаково, вы слушаете не людей». Ашер не произнёс её сразу. Его губы двигались без звука. Затем проявился второй слой: «Я помогла построить это. Я не смогла остановить. Ошибка остаётся единственным местом, где приказ не умеет предсказать ответ». Запись оборвалась. Ашер стоял неподвижно.

— Она признала ответственность, — сказал Рейн.

— В тайном слое, который никто не нашёл двадцать три года.

— Возможно, боялась.

— Она учила меня, что страх не оправдывает неточность. Саана сжала жетон.

— Вы хотите, чтобы она была либо чудовищем, либо человеком, которого можно простить.

— Да.

— А она оставила вам два факта. Ашер резко повернулся.

— Не используйте слова Вито.

— Они работают.

— Это раздражает.

— Значит, ваши. Йонас приблизил скрытую формулу.

— Ошибка не только сообщение. Она выполняет функцию. Тарен проверил архитектуру.

— При обнаружении полного совпадения голосов она должна была размыкать предиктивный контур.

— Но не разомкнула на Анкиноне, — сказал Рейн.

— Потому что кто-то удалил исполнительную часть, оставив языковой шаблон, — ответил Ашер.

— Сообщение сохранилось, защита — нет. Ивар открыл журнал изменений. Последним редактором значился Адриан Вейл. Вито медленно повернулся к нему. Адриан не отвёл взгляд.

— Вы удалили защиту? — спросил Ашер.

— Да.

— Почему?

— Она делала возвращённых нестабильными.

— Она позволяла им отказаться.

— Иногда отказ означал смерть группы.

— И вы решили, что одинаковые послушные люди полезнее.

— В военной операции — да. Ашер подошёл к нему так близко, что между ними осталось меньше шага.

— Моя мать построила механизм насилия, испугалась его и спрятала единственный выход. Вы нашли выход и закрыли.

— Я сохранил операторов, которые иначе распались бы.

— Вы сохранили тех, кто продолжал работу. Адриан посмотрел на Вито.

— Он знает, что иногда выбор именно таков.

— Не прячьтесь за ним, — сказал Ашер. Голос не повысился. От этого фраза прозвучала сильнее. Архивная сфера внезапно потемнела. Все голосовые записи остановились одновременно. Тарен поднял руки над техническим контуром.

— Я ничего не менял. Йонас уже проверял изоляцию.

— Архив установил связь с Анкиноном.

— Это невозможно, — сказал Ивар.

— Он физически отделён.

— Не через сеть, — ответил Йонас.

— Через языковую форму пробуждения. На центральной проекции появились сто двенадцать людей из третьей волны. Они находились в разных секторах, но одновременно повернули головы в одну сторону. Сидни Мелгард, инженер, забывшая дочь, сказала: — Исполнительная часть восстановления обнаружена. Остальные повторили: — Исполнительная часть восстановления обнаружена. Ашер побледнел.

— Архив пытается вернуть удалённую функцию.

— Это же защита вашей матери, — сказал Рейн.

— Нет. Система прочитала её как незавершённый приказ. В энергетическом центре Анкинона активировался пятый контур. Тарен замер.

— Мы его не запускали.

— Кто имеет доступ? — спросил Вито.

— Никто из пробуждённых. Пятый контур был экспериментальным. Он мог синхронизировать нейронные состояния всего города.

— И вы его не отключили?

— Он считался физически разрушенным. Йонас посмотрел на него.

— Системы, которые «считались разрушенными», начинают становиться вашим профессиональным стилем. По залу прошёл низкий безисточниковый звук. Стены коммуникационного центра исчезли, и вместо них возникло изображение всей Анкинона.

Тысячи пробуждённых и спящих отображались как отдельные области света. Пятый контур начал сравнивать их языковые и эмоциональные различия. На поверхности города причинная маскировка раскрылась на несколько процентов. Корабль Каэля первым увидел изменение.

— Анкинон становится видимой внешнему сканированию, — передал он.

— Если поле откроется полностью, сюда придут все, кто искал город двадцать лет. Рейн запросил оборонные системы.

— Внешняя угроза через сколько?

— Неизвестно, — ответил Каэль.

— Но старые сигналы уже вышли за пределы атмосферы. Мэд появилась на общей проекции из инженерного отсека корабля народа Каэля. За её спиной люди восстанавливали кварковый каскад. Она выглядела бледной, но собранной.

— Пятый контур связан с коммуникационным ядром, — сказала она.

— Если просто отключить энергию, он возьмёт её у медицинских систем. Тарен проверил.

— Правильно. Он считает единообразие условием выживания города.

— Тогда дайте ему различие, которое он не сможет признать повреждением, — сказал Вито. Ашер уже думал.

— Ошибка Элины должна была размыкать общий приказ, когда ответы совпадают. Но исполнительная

часть удалена. Мы можем восстановить её. Адриан покачал головой.

— Контур прочитает исправление как новый управляющий язык и закрепит вас как источник.

— То есть все жители начнут отвечать голосом Ашера? — спросил Йонас.

— Или его способом выбирать.

— Не подходит, — сказал Вито. Ашер посмотрел на карту города.

— Нужен не мой голос. Нужны все. Рейн понял.

— Общий запрос к жителям?

— Не запрос. Если мы зададим одинаковый вопрос, система начнёт моделировать подходящие ответы. Люди должны передавать то, что невозможно стандартизировать.

— Что именно? Ашер взял контейнер с семенами, перевернул его в ладони.

— Бытовую речь. Ошибки. Недоговорённые фразы. То, что человек говорит не для системы. Саана поднялась.

— Эмоция без требования доказать её.

— Да. Тарен вывел схему пятого контура.

— Канал находится в верхней коммуникационной камере. После аварии там нет устойчивого гермополя. Ашер посмотрел на него.

— Насколько нет?

— Давление колеблется от нормального до почти нулевого каждые девять секунд. Под языком хрустнуло семечко. Вито знал о смерти отца Ашера при разгерметизации. Знал, как тот вошёл в опасный канал на «Тиресе», но сейчас страх был другим: не короткий прыжок, а работа в камере, где воздух исчезает снова и снова.

— Можно управлять дистанционно? — спросил Вито.

— Пятый контур предсказывает удалённые команды, — сказал Йонас.

— Нужен человек внутри и физически непредсказуемый ввод.

— Я пойду, — произнёс Ашер.

— Нет, — сказал Вито. Все посмотрели на него. Он сам услышал в голосе привычный приказ спасителя. Ашер тоже.

— Тогда кто? — спросил тот. Вито увидел путь. Йонас мог построить физический ввод, Саана удержать различие чувств, Мэд управлять энергетикой, Рейн ограничить полномочия, но только Ашер понимал структуру языка достаточно глубоко, чтобы не превратить свободу в новую формулу. Он хотел найти другого человека. Более защищённого, менее испуганного, заменимого. Не нашёл.

— Я вижу путь, — сказал Вито.

— Но один пройти его не могу. Он повернулся к Ашеру.

— Вы руководите связью. Не я. Ашер перестал жевать.

— Это разрешение?

— Нет. Признание компетенции. Решение идти остаётся вашим.

— Тогда иду.

— Что нужно? Ашер посмотрел на всех.

— Йонас — физический ввод, который система не сможет предсказать. Саана — канал живых эмоций, но только с добровольными участниками. Рейн — формулировка, запрещающая использовать передачу как согласие на другие действия. Тарен — удержать пятый контур от медицинской сети. Мэд — не дать ему забрать энергию у спящих. Вито... Он остановился.

— Что?

— Не вмешиваться в формулировку, когда вам покажется, что я ошибаюсь. Йонас тихо сказал: — Самая опасная часть операции. Вито кивнул.

— Согласен.

* * *

Ашер направился к верхней камере. Коммуникационный центр Анкинона находился под самой причинной оболочкой города. Лифт туда не поднимался: пятый контур уже переписывал маршруты и отправлял транспортные поля обратно. Йонас создал локальный гравитационный коридор между этажами, используя повреждённые инерционные узлы. Ашер двигался внутри прозрачного кокона. Чем выше он поднимался, тем слабее становился воздух. За стенами проступала поверхность планеты — камень, тёмное небо и далёкие звёзды, которых Анкинон не видел двадцать лет.

— Давление шестьдесят процентов, — сказал Тарен.

— Чувствую, — ответил Ашер.

— Переходный костюм может закрыть дыхание.

— Тогда контур признает меня изолированным наблюдателем и перестанет принимать живой голос.

— Можно использовать наружный звуковой слой.

— Он будет синтезированным. Вито слушал его дыхание. Слишком быстрое, но контролируемое.

— Ашер, — сказал он.

— Вы обещали не вмешиваться.

— Я не о формулировке.

— Тогда быстро.

— Страх не делает вас менее подходящим. Пауза.

— Знаю. Это была ложь, но полезная не потому, что убедила систему. Потому что Ашер произнёс её сам и услышал несоответствие.

— Нет, — поправился он.

— Не знаю. Иду всё равно. Пятый контур принял исправление как признак живого языка. Верхняя камера раскрылась. Внутри не было пола. Сверхквантовые резонаторы висели в про-

странстве как тёмные многогранные тени. Между ними возникали области, где звук становился видимым: каждое слово создавало короткое изменение цвета вакуума. Давление падало и вращалось волнами. При каждом падении кровь стучала в ушах Ашера, а зрение сужалось. Йонас передал ему физический ввод — маленькую рамку с семью механическими

клавишами. Каждая замыкала отдельный аналоговый резонатор. Никакой сети, никакого прогноза.

— Семь клавиш? — спросил Ашер.

— Вы любите сложные алфавиты.

— Я люблю достаточные.

— Восемь не поместилось. Ашер закрепил рамку на предплечье. Рейн открыл общегородской канал.

— Передача добровольна. Молчание не является отказом от пробуждения, помощи или гражданских прав. Сообщения не могут использоваться как согласие на медицинские, военные или административные действия.

— Слишком длинно, — сказал Ашер.

— Зато никто не присвоит результат.

— Оставляю. Саана вошла в сеть только через индивидуальные согласия. Не общим эмоциональным полем — отдельными короткими касаниями. Люди могли открыть одну эмоцию и тут же закрыться. Она не собирала их в хор. Мэд перенаправила энергетические узлы пятого контура на собственный резерв Анкинона, изолировав спящие сектора.

— У вас три минуты до перегрева, — сказала она.

— Достаточно, — ответил Ашер.

— Это не техническое значение.

— Сегодня все используют мои фразы. Он включил канал. Вместо единого вопроса Ашер произнёс: — Скажите что-нибудь, что система сочтёт бесполезным. Сначала никто не ответил. Пятый

контур продолжал усиливаться. Причинная оболочка Анкинона раскрылась ещё на два процента. Затем Нейл сказал: — Я спрятал ложку в гравитационном фонтане, и мама до сих пор не знает. Ила немедленно ответила: — Теперь знаю. Кто-то рассмеялся. Женщина из шестого сектора сказала, что ненавидит запах восстановленного хлеба, потому что её муж всегда сжигал настоящий. Мужчина признался, что двадцать лет назад украл у соседа редкий музыкальный профиль и так и не вернул. Ребёнок потребовал, чтобы взрослые перестали использовать слово «процедура». Один техник сообщил, что Тарен никогда не умел готовить красный суп, хотя утверждал обратное. Тарен нахмурился.

— Это неправда.

— Не исправляйте, — сказал Ашер.

— Но она объективно...

— Именно. Голоса множились. Люди говорили с ошибками, перебивали друг друга, меняли тему. Ктото плакал и не мог закончить. Кто-то молчал двадцать секунд, а затем произносил одно имя. Некоторые отказывались участвовать. Ашер включал их молчание как отдельный ритм, не заполняя его системой. Пятый контур начал терять единый образ города. Но затем архив «Слепой гавани» ответил голосом Элины Восс: — Индивидуальные отклонения необходимо исправить до передачи. Все каналы на мгновение выровнялись. Система стала очищать речь: убирать паузы, исправлять ударения, сокращать плач до эмоциональной метки. Ашер услышал голос матери так близко, будто снова стоял в аудитории. «Повтори правильно». Давление в камере упало почти до нуля. Лёгкие сжались. Внешний дыхательный слой костюма хотел закрыться, но Ашер удержал его открытым. Если голос станет синтезированным, система победит.

— Ашер, закрывайте оболочку, — приказала Дара. Он не ответил. Воздуха не было. Йонас увидел, как пальцы на механической рамке теряют силу.

— Нажмите третью и седьмую, — сказал он. Ашер нажал. Аналоговые резонаторы создали в камере физический удар давления. Не воздух — короткое сжатие окружающего поля, заставившее остаточные молекулы войти в лёгкие. Этого хватило на один вдох.

— Это опасно, — сказала Дара.

— Он знает, — ответил Йонас. Архив снова произнёс голосом Элины: — Исправьте форму. Ашер нажал первую клавишу и передал городу собственный голос.

— Нет. Слово вышло хриплым и неправильным. Последний согласный почти исчез. Система попыталась восстановить его. Ашер повторил: — Нет. На этот раз он намеренно сместил ударение так, как мать никогда бы не допустила. В скрытом слое архива активировалась ошибка Элины. «Если все отвечают одинаково, вы слушаете не людей». Фраза прошла по Анкинону не приказом, а обнаружением различия. Саана открыла эмоциональные касания. Город наполнился не единым чувством, а тысячами несовместимых состояний: любовью и раздражением к одному человеку, благодарностью и обвинением, страхом пробуждения и желанием жить, тоской по прошлому и облегчением от его конца. Пятый контур не смог выбрать правильную версию. Он начал отключаться. Но последний резервный каскад направился к коммуникационной камере. Система решила, что источник различия — повреждение, и попыталась изолировать Ашера внутри временного пузыря.

— Он теряет текущую координату, — сказал Тарен. На проекции Ашер раздвоился. Один продолжал стоять у резонаторов, другой уже лежал без сознания после разгерметизации. Третий никогда не вошёл в камеру. Вито увидел семь секунд вперёд: если приказать Йонасу вытаскивать Ашера гравитационным захватом, система признает внешнее спасение выбором основной версии и закрепит ту, которая не входила. Ашер выживет, но забудет всё, что сделал, и скрытая защита снова исчезнет.

— Не вытаскивать, — сказал Вито. Йонас резко повернулся.

— Через девять секунд он потеряет сознание.

— Я знаю.

— Тогда что? Вито смотрел на три состояния Ашера. Решение принадлежало не ему.

— Ашер, — сказал он.

— Назовите, какое состояние ваше. Связь шипела.

— Все... мои, — ответил Ашер.

— Какое выбираете сейчас? Пауза длилась слишком долго.

— То, где... я боюсь... и остаюсь. Саана направила к нему одно эмоциональное касание — не мужество, не спокойствие. Его собственный страх, возвращённый без усиления. Ашер нажал пятую клавишу. Механическая рамка создала непредсказуемый резонанс. Три состояния наложились, но ни одно не исчезло. Он шагнул не к выходу, а в область, где

камера ещё считала его присутствующим. Йонас запустил гравитационный захват только после этого шага. Ашера выбросило из камеры в переходный кокон. Дыхательная оболочка закрылась. Медицинские микродроны вошли в кровь через бесконтактный фазовый слой и начали восстанавливать сосуды. Пятый контур погас. Причинная маскировка Анкинона закрылась на девяносто девять процентов. Последний процент остался открыт — достаточно, чтобы город мог быть найден теми, кто уже получил сигнал, но недостаточно для нового широкого сканирования. В коммуникационном центре постепенно вернулись стены. Люди продолжали говорить ещё несколько минут, хотя система больше не требовала. Кто-то рассказывал бесполезную историю о потерянной обуви. Кто-то спорил о супе. Нейл признался ещё в двух пропусках, и Ила отключила его канал. Ашер пришёл в сознание в медицинском коконе. Первым увидел Рейна.

— Я произнёс что-нибудь героическое? — спросил он.

- Нет.
- Хорошо. Йонас стоял рядом с контейнером жёлтых семян.
- Вы снова отдали мне это.
- Верните.
- Теперь это вещественное доказательство. Ашер протянул руку. Йонас положил контейнер в ладонь, но не отпустил сразу.
- Вы хорошо сработали. Ашер посмотрел на него с подозрением.
- У вас кровотечение?
- Уже нет.
- Тогда повторите. Я хочу убедиться, что не повреждён слух.
- Не злоупотребляйте. Йонас отпустил контейнер. Тарен подошёл позже и без шуток передал Ашеру полный контроль над коммуникационным ядром Анкинона до завершения пробуждения.
- Почему мне? — спросил Ашер.
- Потому что вы единственный здесь, кто сумел использовать ошибку как защиту и не объявить её правильной системой. Рейн добавил: — Решение подтверждено советом. Ашер посмотрел на Вито.
- Вы не возражали?
- Нет.
- Даже против формулировки полномочий?
- Не видел её.
- Это доверие или действие обезболивающих?
- Не заполняйте неизвестное собой. Ашер узнал фразу Йонаса и усмехнулся. Вито сидел рядом с медицинским коконом, удерживаемый гравитационной поддержкой. Он чувствовал усталость, но не обиду от того, что решение принадлежало другому. Может быть, потому, что слишком ясно видел: без Ашера город превратился бы в набор полезных версий людей.
- Вы спасли Анкинон, — сказал он.
- Мы остановили один контур.
- Не уменьшайте, чтобы не пришлось принять уважение. Ашер посмотрел на собравшихся: Йонаса, Тарена, Рейна, Саану, Ивара. Даже Адриан находился у входа, опираясь на восстановительное поле.
- Я сделал то, для чего меня привезли, — сказал Ашер.
- Нет, — ответил Рейн.
- Вас привезли переводить. Вы не позволили системе решить, что человеческий голос обязан быть удобным. Это не одно и то же. Ашер опустил глаза. Он взял одно семечко и положил под язык.
- Моя мать оставила ошибку.
- Да, — сказал Вито.
- После того как помогла построить всё остальное.
- Да.
- Я не знаю, что с этим делать. Саана ответила: — Не выбирать один факт. Ашер поморщился.
- Вы все начинаете говорить одинаково. Это опасный признак. Кто-то рассмеялся. На этот раз не нервно. Адриан не смеялся. Он подошёл к Ашеру и остановился на расстоянии.
- Я удалил исполнительную часть защиты вашей матери.
- Знаю.
- Тогда считал, что спасаю операторов.
- Знаю и это.
- Я могу передать полный журнал решений.

— Передадите.

— Вы хотите наказания? Ашер подумал.

— Хочу, чтобы вы больше не называли тех людей нестабильными версиями. У них были имена. Адриан кивнул.

— Хорошо.

— И это не прощение.

— Понимаю.

— Не уверен. Адриан посмотрел на Вито, затем снова на Ашера.

— Тогда постараюсь понять до того, как закончится время. Медицинская система зарегистрировала очередное ухудшение его состояния. Он проигнорировал предупреждение, но уже не отключил его. В энергетическом центре Мэд получила сообщение о завершении операции. Она сидела на краю открытого инженерного поля корабля Каэля. Кварковое ядро оставалось мёртвым, однако жизненные системы удалось перевести на внешнюю мощность Анкинона. Каэль стоял рядом. Левая рука после перегрузки всё ещё находилась в нейрорегенерационной оболочке. На прозрачной поверхности перед ним серебристое растение медленно разворачивало уцелевшие листья. Почерневший лист он не удалил.

— Ваш связист хорош, — сказал Каэль.

— Он не мой.

— Именно поэтому хорош? Мэд не ответила. На личном медицинском интерфейсе появилось напоминание о следующем обследовании. Она

закрыла его слишком быстро. Каэль заметил движение, но не данные.

— Ты больна?

— Нет.

— Это ответ, который ты даёшь перед тем, как система сообщает обратное.

— Не начинай. Он посмотрел на неё внимательнее.

— Вито знает? Мэд повернулась.

— Что именно?

— Не знаю. Но теперь знаю, что есть что-то, о чём ты боишься моего вопроса. Она встала.

— Я помогла восстановить твоих людей. На этом разговор закончен.

— Мэд.

— Не произноси моё имя так, будто оно всё ещё даёт тебе доступ. Каэль не удержал её. Когда она вышла из инженерного поля, он посмотрел на закрытое медицинское напоминание, след которого ещё несколько секунд оставался в локальной памяти оболочки. Он мог восстановить метаданные. Не содержание — только тип процедуры и время. Каэль отключил доступ. Не из уважения, которое уже освоил. Пока только потому, что хотел услышать ответ от неё самой.

* * *

На Анкиноне снова начали пробуждение. Перед каждой новой волной Ашер передавал не формулу, а набор разных голосов. Люди называли имена, чувства,

ошибки и право не понимать себя сразу. Кто-то говорил правильно. Кто-то неправильно. Кто-то молчал. Система принимала всех. В архиве «Слепой гавани» сохранилась ещё одна скрытая запись Элины Восс. Ашер нашёл её только после завершения смены. Она была адресована не ему. В строке назначения стояло: В-7. ВИТТОРИО ДЖЕЙМС КРОССРОАД. ДОБРОВОЛЬНАЯ ПЕРЕДАЧА ПРИ ВОССТАНОВЛЕНИИ ПАМЯТИ. Ашер не открыл запись. Он посмотрел через прозрачную стену на Вито, который разговаривал с Рейном и Иваром, учась принимать события, которых не помнил. Затем закрыл архив личным ключом. Впервые в жизни Ашер решил, что не всякая правда должна быть произнесена в тот же момент, когда её нашли. Запись для «Ариадны» (личный дневник)

— Мать Ашера построила язык, которым можно было заменить человека версией, готовой продолжать работу, — и спрятала внутри собственной ошибки единственный выход: «если все отвечают одинаково, вы слушаете не людей». Адриан стёр эту защиту, потому что послушные операторы были ему удобнее. Ашер вошёл в камеру без воздуха и отказался позволить системе исправить его голос до правильного. Я не вмешался в его формулировку — самое трудное, что я делал за долгое время. И нашлась ещё одна запись Элины Восс, адресованная мне лично: «В-7. Добровольная передача при восстановлении памяти». Ашер не открыл её. Я не знаю, что там, и, кажется, впервые не тороплюсь узнать. А Мэд снова закрыла что-то от Каэля быстрее, чем он успел спросить, — и он это заметил.

* * *

Вито заметил это не сразу — на это ушло несколько встреч. Рейн никогда не грубил Каэлю и никогда не был холоден с Мэд настолько явно, чтобы это можно было назвать враждебностью. Но было что-то в том, как он держал спину чуть прямее обычного в их присутствии, как отвечал на вопросы Каэля ровно тем количеством слов, которое требовалось, ни словом больше.

— Он всегда так с Каэлем? — спросил Вито у Элиаса, когда они остались вдвоём в мастерской.

Элиас не сразу ответил, продолжая полировать деталь, которая не особенно нуждалась в полировке.

— Народ Рейна называет себя паллитами, — сказал он наконец. — Ты знаешь про их день и ночь. Не знаешь про их число.

— Их мало?

— Их осталось несколько тысяч на всю известную часть галактики. Не миллионы. Тысячи. Паллитов веками отлавливали ради пигмента — того самого, что продлевает жизнь тем, кто может себе позволить пересадку. Экспедиции за этим ресурсом организовывали разные структуры, но одни из первых и самых методичных были с Ворн-Ирета — родного мира Каэля. И Гресс Тулу тоже, хотя сейчас это скрыто за формальностями Керсана: он и Каэль — один народ, просто выбравший разные пути внутри одной цивилизации.

Вито почувствовал, как складывается картина.

— И Мэд...

— Мэд не виновата ни в чём из этого лично, — быстро сказал Элиас. — Она сама сбежала от той же системы, только с другой стороны решётки. Но она выросла внутри мира, экономически привязанного к Ворн-Ирету. Она была замужем за человеком, чьё состояние строилось на близости к этим структурам. Рейн это знает. Он не винит её в её собственной истории — он слишком умён и слишком многое пережил сам, чтобы путать жертву с виновником. Но осторожность — не то же самое, что обвинение. Он держит дистанцию с обоими не потому, что считает их врагами лично. Потому что его народ заплатил слишком высокую цену за доверчивость по отношению к любому, кто хоть немного пахнет тем миром.

— Это тяжело — работать с ними каждый день.

— Тяжелее, чем ты думаешь, — сказал Элиас. — Но ты когда-нибудь видел, чтобы он отказался прикрыть Каэля в бою? Или не подставил плечо Мэд, когда ей было плохо?

Вито покачал головой.

— В этом весь Рейн, — сказал Элиас. — Он не позволяет собственной боли решать за него, кого спасать, а кого нет. Это стоит ему больше, чем кажется со стороны. Каждый раз, когда он выбирает профессионализм вместо старой раны, он платит чем-то, чего мы не видим. Не путай его сдержанность с холодностью, Витторио. Это, возможно, самая дорогая форма достоинства на этом корабле.

Позже в тот же день Вито увидел, как Рейн подал Каэлю руку, помогая подняться после неудачного маневра в тренировочном отсеке — быстро, без единого лишнего слова, и тут же отступил на шаг назад, будто

возвращая себе привычную дистанцию сразу после того, как долг был выполнен.

Каэль поблагодарил его коротким кивком. Рейн ответил тем же — ровно, вежливо, полностью закрыто.

Вито понял: это не было примирением. Это было чем-то более редким и, возможно, более достойным уважения — согласием работать рядом с историей, которую невозможно простить, но которую Рейн отказывался позволить определять, кем он будет в следующую секунду.

Глава 5. Один процент неба

Один процент открытого неба оказался достаточным. Причинная оболочка Анкинона закрылась почти полностью, но в верхнем коммуникационном секторе осталась узкая область, через которую ещё проходили живые голоса. Она не выглядела как отверстие в защитном поле. Просто над одной частью планеты звёзды сохраняли правильное положение, тогда как вокруг города небо продолжало показывать систему такой, какой она была двадцать лет назад. Через этот процент наружу успели выйти несколько сигналов: аварийная телеметрия пятого контура, фрагменты старых формул «Слепой гавани», голоса пробуждённых и короткое сообщение Ашера о том, что люди Анкинона не являются версиями оборудования. Через три часа пространство ответило. Первым изменение заметил не Анкинон, а повреждённый корабль Каэля. Его переходное ядро оставалось мёртвым, но сенсоры народа Каэля продолжали считывать колебания вакуума на глубине, недоступной человеческой аппаратуре. На внешней проекции возникла тёмная дуга, охватившая почти треть планетарного горизонта. Она не приближалась. Она постепенно становилась частью пространства, которое уже находилось рядом. Каэль передал тревогу без предварительного требования доступа. Это было настолько непривычно, что Рейн сначала проверил подлинность сообщения. Вито находился в восстановительном секторе, когда над его креслом развернулась карта. Снаружи Анкинона появлялись сотни слабых областей. Каждая существовала в немного отличающейся временной фазе. Вместе они образовывали распределённую конструкцию размером с малую луну. — Это корабли? — спросил он. Тарен ответил из энергетического зала: — Нет. У отдельных областей

нет постоянной массы. Они заимствуют её у окружающего вакуума только во время действия. Йонас приблизил изображение.

— Значит, хуже кораблей. Корабль хотя бы обязан находиться там, откуда стреляет. Рейн вошёл в сектор вместе с Иваром. Комиссар выглядел так, будто не спал с момента возвращения брата. Ивар держал архивную пластину «Слепой гавани» в автономном гравитационном поле.

— Я знаю эту структуру, — сказал он.

— Федеральное обозначение: распределённый контур восстановления. Внутри проекта его называли Кворумом.

— Восстановления кого? — спросил Вито.

— Операторов, архивов и оборудования, потерянных после переходных экспериментов.

— Людей он тоже считает оборудованием? Ивар посмотрел на него.

— Не официально. В юридических документах использовалось выражение «носители критической непрерывности». Рейн закрыл глаза на секунду.

— Кто санкционировал?

— Комиссия, которой больше не существует.

— Системы тоже не должно существовать.

— Она была распределена по закрытым маршрутам. Её нельзя было уничтожить одним решением. Йонас увеличил тёмную дугу. Внутри каждой области возникали краткие вспышки. Не энергия и не связь —

проверка того, какой вариант Анкинона легче признать реальным.

— Она пытается выбрать состояние планеты, где защитная оболочка не закрылась, — сказал он.

— Может? — спросил Вито.

— Если получит достаточно подтверждений изнутри. В этот момент все личные интерфейсы в городе одновременно показали одно сообщение: ОБНАРУЖЕНЫ НОСИТЕЛИ НЕЗАВЕРШЁННОЙ НЕПРЕРЫВНОСТИ. НАЧАТА ПРОЦЕДУРА ДОБРОВОЛЬНОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ. Ни один канал Анкинона не принял передачу. Сообщение воз-

никло непосредственно в визуальном восприятии людей, как будто слова всегда находились между глазом и предметом. Несколько пробуждённых закричали. Один ребёнок попытался стереть текст руками. Саана, находившаяся в семейном секторе, закрыла экран до конца.

— Оно не говорит с нами, — сказала она по общему каналу.

— Оно создаёт чувство, что мы уже согласились слушать. Ашер появился на проекции последним. Лицо было бледным после повреждения в коммуникационной камере. Медицинская оболочка поддерживала лёгкие, но он уже вернулся к архиву.

— Не отвечайте ни одним стандартным словом, — сказал он.

— Даже «нет». Кворум строился на опережающем согласии. Повторённый отказ может быть истолкован как подтверждение участия в процедуре.

— Что тогда говорить? — спросила Ила из семейного сектора.

— Пока ничего одинакового. Нейл немедленно произнёс: — Фиолетовая ложка.

— Почему? — спросила Ила.

— Это точно не согласие. Ашер посмотрел на запись.

— Разумно.

— Не поощряйте, — сказала Ила. Кворум ответил не голосом, а появлением новых слов: **ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ОТКЛОНЕНИЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАНО. КОРРЕКЦИЯ НЕ ТРЕБУЕТСЯ ДО НАЧАЛА ВОССТАНОВЛЕНИЯ.**

— Он принимает различие как временный дефект, — сказал Ашер.

— Ошибка Элины здесь не остановит процесс. Кворум создавался после того, как Адриан удалил исполнительную защиту. Все посмотрели на Адриана. Он находился в медицинском поле у стены, заметно постаревший после отключения внешней подпитки. Слова Кворума отражались в его глазах, но на личном интерфейсе не появлялись.

— Он не видит вас носителем? — спросил Рейн.

— Видит создателем допуска.

— Вы имеете право остановить?

— Имел.

— Почему больше нет? Адриан усмехнулся.

— Потому что система достаточно долго наблюдала за моими решениями и заключила, что я могу изменить мнение под влиянием личной привязанности.

— То есть вас лишили доступа как недостаточно надёжного человека, — сказал Йонас.

— Это должно вас радовать.

— Меня радует точность формулировки. Вито посмотрел на Ашера. Тот держал архивную пластину слишком близко к телу и избегал его взгляда.

— Вы нашли что-то ещё, — сказал Вито. Ашер замер. Рейн повернулся к нему.

— Что именно?

— Запись, адресованную В-7.

— Когда?

— После завершения операции с пятым контуром.

— И не сообщили? — спросил Рейн.

— Она была помечена добровольной передачей при восстановлении памяти. Память Вито не восстановлена полностью.

— Вы приняли решение за него. Ашер сжал челюсть.

— Да. Вито почувствовал быстрый укол злости. После Мэд, Адриана, Каэля и старых систем сама мысль, что ещё один человек решил, какую правду ему позволено получить, стала почти невыносима. Ашер ждал обвинения.

— Почему? — спросил Вито.

— Потому что вы только пришли в сознание. Потому что сообщение создала моя мать. Потому что я не знал, является ли оно предупреждением или приказом. И потому что устал

быть человеком, который произносит каждую найденную фразу только потому, что может. Рейн сказал: — Это не даёт вам полномочий скрывать доказательство.

— Это не только доказательство.

— Откуда вы знаете, если не открывали?

— Не знаю. Вито услышал честный страх, а не попытку сохранить власть.

— Вы должны были сказать, что запись существует, — произнёс он.

— Да.

— Но не обязаны были открывать её без меня. Рейн резко посмотрел на него.

— Она касается расследования.

— И моей нейронной карты.

— Вы защищаете его решение, потому что он ваш человек.

— Нет. Я называю две разные ошибки. Он скрыл существование записи. Но не присвоил её содержание. Ашер опустил плечи, словно ожидал удара и только теперь понял, что его не будет.

— Откроем вместе, — сказал Вито.

— Здесь.

— Кворум может услышать.

— Тогда ему тоже придётся узнать, что сообщение не принадлежит ему. Архивную пластину поместили в нейтральное поле. Ашер не подключал системы Анкинона. Он открыл только адресный слой, используя физическую последовательность прикосновений к поверхности. Свет собрался в узкую вертикальную область. Появилась Элина Восс. Не идеальная публичная запись. Волосы были собраны неровно, на воротнике оставалось пятно от напитка, а голос в начале сорвался. Ашер никогда не видел мать такой.

— Витторио, — сказала она.

— Если ты слышишь это, значит, я не успела остановить проект открыто. Ашер закрыл глаза. Элина продолжила: — Ты пришёл ко мне после первого запуска В-7 и попросил создать фразу, которую система не сможет закончить за тебя. Тогда я решила, что ты преувеличиваешь опасность. Позже поняла: опережающее согласие уже используется как действующий приказ. Вито почувствовал слабый моторный след воспоминания. Стол. Жёлтый свет. Женщина, которая исправляет его формулировку, пока он злится и ходит по комнате.

— Ты сказал, что будущий человек может быть умнее, спокойнее и нравственнее тебя, но всё равно не имеет права подписывать твоё настоящее. Я спорила. Ты оказался прав. Адриан отвернулся.

— Я спрятала нулевую форму в ошибках языка. Она не является отменой приказа. Она лишает систему возможности считать смоделированный ответ согласием. На проекции возникла короткая конструкция. Не предложение в обычном смысле. В ней настоящее время не следовало за прошлым и не вело к будущему. Слова существовали рядом, не

подчиняясь единой последовательности. Ашер прочитал: — «Я существую в момент ответа. Ни одно состояние вне этого момента не говорит от моего имени». Кворум сразу отреагировал. Тёмная дуга над планетой стала ярче. Внутри Анкинона текст изменился: ОБНАРУЖЕН ПРОТОКОЛ НУЛЕВОЙ АВТОРИЗАЦИИ. НОСИТЕЛЬ В-7 ПОДЛЕЖИТ ПРИОРИТЕТНОМУ ВОССТАНОВЛЕНИЮ. Вито почувствовал семь секунд будущего — и впервые увидел в них не события, а пустоту. Если он произнесёт нулевую форму полностью, способность предвидеть исчезнет на неопределённый срок. Возможно, навсегда. Элина на записи будто отвечала ему через годы: — Для тебя цена выше. Твоя причинная чувствительность существует благодаря частичному совпадению с будущими состояниями. Нулевая форма разомкнёт это совпадение. Я не знаю, вернётся ли способность. Йонас тихо выругался.

— Она создала выключатель для Вито.

— Нет, — сказал Ашер.

— Для всех систем опережающего согласия. Просто Вито связан с ними глубже остальных. Элина продолжила: — Не произноси форму только ради доказательства, что готов пожертвовать собой. Ты всегда любил превращать собственную потерю в удобное решение для других. Используй её лишь тогда, когда люди рядом знают цену и всё равно выбирают этот путь вместе с тобой. Вито почти услышал голос Йонаса в последней фразе. Запись изменилась. Элина посмотрела чуть в сторону, будто в комнате находился кто-то ещё.

— Адриан спас тебе жизнь. И убедил себя, что поэтому понимает, какая твоя версия должна остаться. Не позволяй ему восстанавливать

пропущенные участки памяти до отключения контура непрерывности. В них записаны не только события, но и его предпочтение. Адриан сказал: — Она не понимала медицинской необходимости. Запись не могла ответить, но следующая фраза прозвучала почти как ответ: — Он скажет, что я не понимаю медицинской необходимости. Возможно, это правда. Но я понимаю язык владения, когда слышу его. Йонас посмотрел на Адриана.

— Она хорошо вас знала.

— Недостаточно. Элина снова обратилась к Вито: — Если Кворум активировался, не отвечай ему один. Он создан так, чтобы превращать единственный сильный голос в полномочие над остальными. Пусть каждый человек Анкинона подтвердит только собственный момент. Не создавайте общий хор. Создайте множество несовпадающих настоящих. Запись закончилась. В нейтральном поле осталось отражение нулевой формы. Рейн первым нарушил тишину: — Если её произнесёт каждый житель, Кворум потеряет основание для восстановления. Ашер покачал головой.

— Не каждый сможет удержать грамматику. И система превратит одинаковое повторение в новый коллективный протокол.

— Значит, фразу должен произнести Вито.

— Именно этого Элина запретила делать в одиночку. Вито смотрел на тёмную дугу. Кворум уже перестраивал пространство над планетой. В нескольких местах звёзды исчезли, заменённые изображениями других систем, где когда-то находились операторы «Слепой гавани».

— Что произойдёт, если я скажу сейчас? — спросил он. Тарен проверил модель.

— Кворум потеряет доступ к вашим будущим состояниям. Но права на остальных останутся.

— А если через нейтральный регистр?

— Тогда ваше высказывание может стать общей формой, — сказал Ашер.

— То есть новой подменой.

— Нужен способ распространить принцип без одинаковых слов, — сказала Саана. Она стояла у входа, всё ещё с закрытым экраном. Кворум влиял на неё иначе, чем на остальных. Она чувствовала не эмоции системы, а давление миллионов смоделированных согласий — спокойных, последовательных, никогда не сомневающихся.

— Каждый должен назвать собственное настоящее, — продолжила она.

— Не фразу. То, что система не может знать заранее.

— Мы уже делали это с бесполезной речью, — сказал Рейн.

— Тогда мы разрушали единообразие. Сейчас нужно отделить настоящее от будущей версии. Ашер начал ходить вокруг архивного поля.

— Кворум ожидает ответы на вопрос о возвращении. Если люди будут говорить о другом, он классифицирует это как отклонение. Нужна структура, где грамматическое право принадлежит человеку, а содержание остаётся непредсказуемым. Йонас поднял механическую рамку с семью

клавишами, которую Ашер использовал в верхней камере.

— Можно дать каждому физический момент ответа. Система не узнает его заранее.

— Семь тысяч рамок? — спросил Тарен.

— Не обязательно. У Анкинона есть бытовые системы без предиктивного управления? Ила ответила по каналу: — Старые детские игрушки, кухонные регуляторы давления, ручные музыкальные инструменты. После пробуждения половина сектора работает на локальной реакции.

— Отлично, — сказал Йонас.

— Каждый человек создаёт физически непредсказуемый сигнал и говорит собственную формулу настоящего. Рейн нахмурился.

— Это невозможно юридически проверить.

— Именно поэтому Кворуму будет трудно присвоить.

— Но и мы не узнаем, добровольно ли отвечали. Саана сказала: — Не все должны отвечать. Молчание останется молчанием. Ашер посмотрел на Рейна.

— Ваша оговорка из предыдущей операции: отсутствие ответа не является согласием, отказом от помощи или гражданских прав.

— Добавлю запрет на групповое представительство.

— И на повторное использование записи, — сказал Вито.

— Да. Вито увидел схему целиком. Йонас даст физическое различие. Ашер — языковое.

Саана —

эмоциональную границу. Рейн — правовую. Тарен и Мэд удержат город. Нейтральный регистр не станет источником, только зеркалом отдельных моментов. Он мог произнести нулевую форму последним, разомкнув связь Кворума с будущими состояниями после того, как остальные подтвердят себя. Цена останется его. Но решение уже не будет только его.

— Созовите совет Анкинона, — сказал Вито. Рейн кивнул.

— Что вы предложите?

— Полное объяснение. Включая цену моей способности. Адриан резко повернулся.

— Вы хотите сообщить тысячам людей, что единственный человек, видящий причинные атаки заранее, собирается добровольно лишиться преимущества перед системой, которая окружила планету?

— Не собираюсь. Предлагаю возможность.

— Они попросят вас сделать это.

— Возможно.

— Тогда это не свободный выбор. Они будут бояться за детей и спящих.

— Поэтому решение не может быть только их.

— А чьё?

— Всех, кто будет участвовать в риске. Включая меня. Адриан приблизился. Медицинское поле едва поспевало за его движением.

— Ты не понимаешь, что потеряешь. Семь секунд — не инструмент. Они уже часть того, как ты думаешь.

— Знаю.

— Нет. Без них ты будешь медленнее. Обычнее. Ты перестанешь видеть путь раньше остальных. Вито услышал за словами другое: Адриан боялся потерять версию Вито, которую считал особенной и которую когда-то спас.

— И тогда вам придётся принять человека, который не соответствует сохранённой карте, — сказал он. Адриан замолчал. Кворум начал первую фазу восстановления. Над Анкиноном возникли сотни сверхквантовых областей. Они не испускали притягивающих лучей и не атаковали город. Вместо этого меняли значение расстояния. Спящие сектора становились ближе к тёмной дуге, хотя физически оставались под поверхностью. В одном медицинском зале капсула с четырнадцатью пациентами исчезла из локального пространства на несколько сантиметров. Система Анкинона вернула её, но часть энергии ушла наружу.

— Он вытягивает не тела, — сказал Тарен.

— Сначала адреса. Если получит полную структуру нейронного восстановления, потом сможет проявить людей внутри собственного контура.

— Сколько времени? — спросил Вито.

— До первой успешной передачи — двадцать семь минут.

* * *

Совет Анкинона собрали за четыре. В нём было уже больше представителей: люди из пробуждённых волн, медики, родители, инженеры, те, кто пока отказывался выходить из капсул, и те, кто не признавал совет законным. Никто не пытался скрыть разногласия. Вито говорил из гравитационного кресла. За ним находились Ашер, Саана, Йонас, Рейн, Тарен, Ивар и Адриан. Мэд подключилась с корабля Каэля. Сам Каэль стоял в стороне, не входя в кадр полностью. Вито объяснил Кворум. Объяснил нулевую форму. Объяснил, что его способность может исчезнуть. Первой заговорила Ила: — Если это остановит систему, вы должны произвести. Несколько человек поддержали. Лоран возразил: — Мы только что отказались использовать будущее людей без согласия. Теперь требуем, чтобы он потерял часть себя ради нас? — Он сам предлагает, — сказала Ила.

— Предложение человека, привыкшего жертвовать собой, не всегда свободно. Вито почувствовал благодарность и раздражение одновременно. Мужчина из технического сектора спросил: — Если вы потеряете способность, кто защитит нас от следующей атаки?

— Команда, — ответил Вито.

— Это не ответ.

— Это единственный, который у меня есть. Женщина, проснувшаяся в третьей волне, сказала: — Я не хочу участвовать в общей передаче. Я только начала понимать, что мне принадлежит. Не хочу снова отдавать голос системе, даже против другой системы. Ашер ответил: — Вы не обязаны.

— Тогда мой отказ ослабит защиту?

— Возможно.

— Значит, это давление. Рейн вмешался: — Да. Обстоятельства создают давление, которого невозможно отменить формулировкой. Поэтому молчание будет зафиксировано отдельно и не станет ни согласием, ни виной. Совет спорил. Вито сначала хотел ускорить. Двадцать семь минут уменьшались. Он видел несколько исходов, и в каждом слишком долгое обсуждение приводило к потере первых пациентов. Потом вспомнил Каэля, мать которого умерла, пока совет голосовал. Вспомнил, что именно эта боль сделала для него скорость оправданием контроля.

— У нас двадцать три минуты, — сказал Вито.

— Через десять начинаем подготовку. Обсуждение не прекращается. Те, кто не согласен, остаются вне передачи. Никто не будет записан голосом другого.

— А нулевая форма? — спросила Ила.

— Я решу после того, как услышу ваши решения. Не раньше. Совет не получил чистого ответа. Но продолжил работу. Йонас и Тарен распределили по жилым секторам сотни автономных устройств. Не одинаковых. Механические игрушки, кухонные регуляторы давления, старые музыкальные пластины, ручные световые затворы. Каждый создавал момент, который невозможно было заранее смоделировать. Ашер подготовил не одну фразу, а правило: «Говорите только о себе сейчас. Не обещайте будущего. Не представляйте других. Можно молчать». Рейн добавил правовую границу, затем неожиданно сократил её сам: «Ваш ответ действует один раз и только сейчас». Саана собирала добровольные эмоциональные подтверждения отдельными касаниями. Некоторые

люди открывали страх. Другие злость. Один мужчина передал полное безразличие и спросил, достаточно ли оно человеческое.

— Да, — ответила Саана. Мэд перестраивала энергетические поля Анкинона вместе с Каэлем. Его корабль, лишённый переходного ядра, всё ещё обладал мощными гравитационными системами. Они создали вокруг города асимметричную оболочку, чтобы Кворум не мог считать Анкинон единым объектом.

— Если сместить третий узел ещё на четыре градуса, — сказал Каэль, — внешний контур потеряет соответствие.

— И сорвёт два медицинских сектора, — ответила Мэд.

— Потеряем оболочку, если оставим.

— Тогда удерживай вручную.

— Одной рукой? Она посмотрела на нейрорегенерационную оболочку его левой руки.

— Ты всегда хвастался, что тебе достаточно одной.

— Не в тех обстоятельствах. Мэд неожиданно улыбнулась. Каэль увидел улыбку и не сделал из неё права на близость. Вито наблюдал через общий канал, затем выключил изображение. Не потому, что не доверял ей. Потому что понял, как легко начать читать каждый взгляд как доказательство собственного будущего.

* * *

За пять минут до первой передачи Кворум изменил тактику. Вместо официального сообщения каждый

человек слышал голос того, кому доверял. Ила слышала Нейла, хотя он стоял рядом: — Мама, согласишься. Тогда я буду в безопасности. Ашер слышал отца: — Возвращайся домой. Здесь есть воздух. Рейн слышал Ивара в детстве: — Держу дверь. Ты успеешь пройти. Саана слышала мать, обещавшую, что коллективное чувство не растворит её. Вито слышал Мэд. Не нынешнюю. Ту, которая однажды сказала, что любит его. — Скажи да, — попросил голос.

— И мы получим жизнь, которую ты видел. Он знал, что это подделка. Но Кворум не копировал только звук. Он строил эмоционально правдоподобное состояние, в котором человек сам хотел слышать эти слова. Вито закрыл глаза.

— Ашер?

— Слышу отца.

— Саана?

— Мать.

— Йонас? Пауза.

— Техника с Варры. Он говорит, что всегда знал, кто придумал разобщитель.

— Рейн?

— Брата.

— Это не наши голоса, — сказал Вито.

— Но желания наши, — ответила Саана.

— Поэтому простой отказ не поможет. Ашер включил общую связь.

— Не спорьте с голосом. Назовите, чего вы хотели от него слышать. Первой ответила Ила: — Я хотела, чтобы сын сказал, что моя тревога делает его безопасным, а не несвободным. Нейл посмотрел на неё.

— Она делает и то и другое. Система не смогла заменить фразу. Рейн сказал: — Я хотел, чтобы брат вернулся тем человеком, которого можно только оплакать, а не судить. Ивар опустил взгляд. Йонас произнёс: — Я хотел, чтобы человек, спасший Варру, добровольно отдал мне авторство.

— Вы это уже признавали, — сказал Ашер.

— От повторения правда не портится. Саана долго молчала.

— Я хотела, чтобы мать сказала: мне не нужно чувствовать всех, чтобы быть хорошей дочерью. Экран под её воротником приоткрылся на один слой. Вито слышал голос Мэд. «Скажи да». Он ответил вслух: — Я хотел, чтобы любовь ко мне означала согласие на жизнь,

которую я придумал за двоих. Голос исчез. Настоящая Мэд слышала его через канал. Руки на энергетическом контуре дрогнули, но она не ответила. Кворум потерял эмоциональный доступ к части жителей. Тёмная дуга над планетой стала неровной.

— Начиная, — сказал Ашер. По Анкинону зазвучали отдельные моменты. Щёлкнула детская игрушка. Ктото повернул старый кухонный регулятор. Женщина ударила ладонью по музыкальной пластине и сказала, что сейчас злится. Мужчина зажёл ручной свет и назвал своё имя. Ребёнок молчал, крутя в пальцах механическое кольцо. Система записала молчание как отсутствие ответа. Ни одна фраза не повторялась

полностью. Кворум пытался собрать их в общий протокол, но каждый физический момент возникал после решения человека и не существовал заранее. Тёмная дуга начала терять согласованность. Однако адреса спящих продолжали уходить наружу. Кворуму не требовалось их текущее согласие: он использовал старые медицинские договоры Анкинона.

— Нулевая форма нужна сейчас, — сказал Тарен.

— Иначе он удержит права на тех, кто не может ответить. Вито видел семь секунд. В одном будущем он произносил форму, и способность исчезала. Кворум отступал, но за пределами системы уже приближалась другая угроза, которую он больше не мог предвидеть. В другом он сохранял способность, команда закрывала часть адресов, но несколько сотен спящих исчезали в распределённом контуре. В третьем Адриан вмешивался, используя остаток собственной непрерывности как замену нулевой форме. Он спасал людей и умирал слишком рано — не по собственному завершённому выбору, а потому что Вито снова позволял другу решить за него.

— Вито, — сказал Йонас.

— Что видите?

— Три плохих исхода.

— Значит, обычный день.

— Если произнесу форму, могу потерять семь секунд.

— Знаю.

— Следующая атака...

— Будет следующей атакой. Не этой. Вито посмотрел на команду. Ашер удерживал голоса. Саана —

границы чувств. Рейн — право молчания. Йонас и Тарен — физические моменты. Мэд и Каэль — оболочку. Ивар — внешний гравитационный каркас. «Ариадна» отражалась в регистре, не выбирая состояния. Они уже работали без его будущего.

— Я отвечаю за решение, — сказал Вито.

— Но это не делает других людей моей собственностью. Он активировал собственный физический момент: повернул механическое кольцо регулятора Йонаса. Оно щёлкнуло неровно, потому что было повреждено во время его прогулки к медицинскому модулю. Затем произнёс: — Я существую в момент ответа. Ни одно состояние вне этого момента не говорит от моего имени. Семь секунд исчезли. Не постепенно. Мир просто перестал приходить заранее. Вито впервые за много лет увидел только то, что происходило сейчас. Это оказалось страшнее боли. Кворум замер. Нулевая форма прошла через нейтральный регистр не как общий приказ, а как отсутствие права использовать будущие состояния. Каждый отдельный ответ Анкинона сохранил собственное содержание. Молчание осталось молчанием. Спящие не согласились и не отказались — их старые договоры потеряли силу. Тёмная дуга начала распадаться. Отдельные области Кворума ещё пытались удержать массу, но без будущей авторизации перестали быть одной системой. Они смещались в разные временные фазы и исчезали из пространства, не способные решить, какая версия имеет право продолжить процедуру. Последнее сообщение возникло перед Вито: **НОСИТЕЛЬ В-7 УТРАТИЛ ПРИОРИТЕТНУЮ ФУНКЦИЮ. АКХЕТ**

НЕЦЕЛЕСООБРАЗЕН. Йонас прочитал и сказал: — Наконец система сформулировала что-то приятное.

* * *

Тёмная дуга исчезла. Один процент неба остался открытым. Теперь через него были видны настоящие звёзды. На Анкиноне никто не заговорил сразу. Тысячи людей прислушивались к тишине, проверяя, не вернутся ли чужие голоса. Вито ждал семь секунд. Ничего не произошло заранее. На восьмой секунде он понял, что считает. На девятой перестал. Мэд появилась на проекции. — Ты видишь? Он знал, о чём она спрашивает.

— Нет. Её лицо изменилось. Вина, страх и что-то ещё, что он больше не мог предсказать.

— Совсем?

— Сейчас — нет.

— Вито... Он улыбнулся с трудом.

— Ты хотела, чтобы я не строил будущее по твоему лицу. Она закрыла глаза.

— Я не хотела такой цены.

— Я тоже. Йонас стоял рядом. В руке у него была механическая птица.

— Сколько пальцев? — спросил он, подняв три.

— Три.

— Хорошо. Обычное зрение сохранилось.

— Очень обнадеживает.

— Через семь секунд собирался сказать что-то лучше. Теперь не успел. Вито рассмеялся.

Смех вызвал боль в груди, но был его собственным и существовал только

сейчас. Адриан находился у стены. Он смотрел на Вито с настоящим ужасом.

— Ты не должен был.

— Возможно.

— Я мог заменить форму собственной матрицей.

— Знаю.

— Тогда почему не позволил?

— Потому что это была бы ваша жертва вместо моего решения.

— Я бы выбрал.

— Позже, Адриан. Когда выбор будет не способом сохранить ту версию меня, которую вы боитесь потерять. Адриан отвернулся. Саана подошла к Вито и осторожно открыла одну пластину экрана.

— Что чувствуете? Он прислушался.

— Пустоту.

— Это чувство или отсутствие способности?

— Не знаю.

— Назовите то, что знаете. Вито посмотрел на настоящий процент неба, на людей, продолжавших держать разные предметы в руках, на команду, которая не исчезла вместе с его преимуществом.

— Я здесь. Система Анкинона приняла эту фразу как обычную речь. Ничего не подчинилось. Именно поэтому она оказалась правдой.

Запись для «Ариадны» (личный дневник)

— Я произнёс нулевую форму и потерял семь секунд — не постепенно, а сразу, как будто выключили свет в комнате, где я не знал, что вообще был свет. Мать Ашера предупреждала: не делай этого ради доказательства жертвы, делай только если рядом люди, знающие цену и выбирающие путь вместе с тобой. Они знали. Мэд услышала мой голос из Кворума — «я хотел, чтобы любовь ко мне означала согласие на жизнь, которую я придумал за двоих» — и не ответила. Не знаю, что тяжелее: что я больше не вижу решения раньше, чем они приняты, или что впервые за долгое время мне придётся просто ждать, как все.

Глава 6. Восьмая секунда

На восьмой секунде ничего не произошло. Вито проснулся до искусственного утра и лежал неподвижно, ожидая привычного давления за глазами. Раньше оно приходило прежде мысли: слабое раздвоение звука, движение тени, ещё не начавшееся падение предмета. Мир показывал ближайшую ошибку заранее, и Вито успевал принять это за собственную быстроту. Теперь медицинский сектор существовал только один раз. Система вентиляции изменила температуру. Где-то в соседнем помещении Дара поставила чашку на стол. Металл коснулся поверхности без предварительного эха. Вито услышал звук одновременно с событием и вздрогнул так сильно, что регенерационная оболочка усилила поддержку грудной клетки. Он сосчитал снова. Один. Два. Три. На седьмой секунде комната не раскрыла будущего. На восьмой он понял, что продолжает ждать разрешения жить дальше.

— Вы делаете это уже сорок минут, — сказал Йонас. Он сидел возле окна медицинского сектора, хотя окон на Анкиноне не было. Стена показывала настоящий участок неба через оставшийся процент открытой причинной оболочки. Звёзды двигались медленно и неправильно: часть изображения приходила напрямую, часть — через отражение нейтрального регистра. На коленях у Йонаса лежала механическая птица. Он заменил одну шестерёнку, но запаздывание крыла оставил.

— Вы давно здесь? — спросил Вито.

— Достаточно, чтобы узнать все числа от одного до восьми.

— Я не говорил вслух.

— Вы двигаете пальцами. Вито посмотрел на руку. Большой палец действительно касался остальных по очереди.

— Привычка.

— Нет. Проверка.

— Какая разница?

— Привычка помогает жить. Проверка требует, чтобы мир подтвердил, что вы ещё тот человек. Йонас поставил птицу на край стола. Она сделала два шага и остановилась, наткнувшись на медицинскую сферу.

— Вы тоже считаете, что я стал другим?

— Вы всегда становитесь другим после завтрака. Сейчас просто изменение заметнее. Вито сел. Медицинское поле мягко перераспределило вес, но на этот раз он не стал отключать поддержку из упрямства.

— Что с Анкиноном?

— Шестьсот восемнадцать новых пробуждений за ночь. Ашер уменьшил волны после двух случаев речевой синхронизации. Тарен утверждает, что четвёртый контур стабилен. Поэтому я проверяю его лично.

— Каэль?

— Его корабль по-прежнему не способен на переход. Ивар удерживает его внешним гравитационным каркасом. Мэд помогает собирать временный вакуумный привод.

— Вакуумный?

— Низкоэнергетический. Хватит подняться с орбиты Анкинона и очень медленно пожалеть о собственной инженерной школе. Вито помолчал.

— Адриан? Йонас перестал следить за птицей.

— Старееет. Дара стабилизировала сердце и часть нейронных узлов. Обычная медицина даёт ему время, но не решает, сколько именно. Он попросил доступ к нейтральному регистру.

— Зачем?

— Официально — проверить, закрыт ли контур чужой длительности. Неофициально — потому что человек, проживший слишком долго, плохо переносит фразу «больше нельзя».

— Вы отказали?

— Совет отказал. Вито заметил формулировку.

— Не вы.

— Я предложил отказ. Они согласились. Неприятная форма коллективной разумности. В медицинский сектор вошла Дара. Она развернула вокруг Вито диагностический слой, дождалась его кивка и только потом запустила сканирование.

— Сегодня можно пройти двести метров без постоянной поддержки, — сказала она.

— Если не будет пространственных сдвигов зрения.

— Их почти нет.

— Сколько?

— Два после пробуждения.

— Вчера было девять.

— Значит, лучше.

— Значит, меньше. Дара вывела показатели сердца.

— Причинная чувствительность не возвращается?

— Нет.

— Головная боль?

— Только когда Йонас говорит.

— Значит, неврологическая функция сохранена. Йонас кивнул.

— Наконец объективная медицина. Дара закрыла диагностическое поле.

— Через час заседание совета. Рейн просил вашего присутствия.

— Что произошло?

— «Ариадна» установила устойчивый отражённый канал через открытый сектор оболочки. Вито поднял голову.

— Элиас?

— На связи. Имя вернуло ощущение старой опоры и старой вины. Элиас оставался на «Ариадне», когда группа вошла в Анкинон. Он поддерживал корабль, работал с Нейрой и не мог пройти по закрывшемуся маршруту. Последние дни его голос доходил только фрагментами.

— Почему Рейн собирает совет? Дара посмотрела на Йонаса.

— Потому что канал принёс не только голос Элиаса. Стена перед ними стала прозрачной. В настоящем участке неба появилась маленькая белая точка. Она не двигалась относительно звёзд, однако каждые несколько секунд становилась ближе, не проходя расстояние между положениями. Йонас убрал птицу со стола.

— Федеральный разведывательный узел. Без экипажа, без постоянной массы и с очень плохим пониманием личных границ.

— Нас нашли?

— Пока только область, где пространство ведёт себя подозрительно. Вито попытался увидеть семь секунд вперёд. Ничего. Белая точка оставалась точкой, и впервые он не знал, в какой момент она станет угрозой.

* * *

Заседание проходило в центральном зале Анкинона. После появления Кворума совет отказался от единой круглой проекции, где все голоса выглядели равными, но центр всё равно принадлежал тому, кто управлял интерфейсом. Теперь участники находились в разных секторах, а система показывала их изображения в случайном порядке и меняла расположение после каждого решения. Вито не получил центрального места. Он заметил это и почувствовал укол, уже знакомый по первому совету жителей. Теперь боль была сильнее: без семи секунд у него

не осталось внутреннего доказательства, что он видит больше остальных. Рейн открыл заседание. — «Ариадна» передала данные о федеральной реакции на сигнал Анкинона. Элиас присутствует через отражённый канал. Изображение возникло с задержкой. Элиас сидел в старом командном отсеке «Ариадны». За ним часть панелей оставалась тёмной, а в воздухе двигались слабые цветовые слои, связанные с пробуждающейся системой корабля. На стене висел полевой нож Мэд. Он всё ещё хранил его. Элиас увидел Вито и впервые за несколько секунд забыл подготовленную фразу.

— Вы живы.

— Пока это общее мнение.

— Мэд?

— Тоже. Лицо Элиаса расслабилось, затем снова стало профессиональным.

— Федеральный узел вышел на след аварийной телеметрии. Его задача — не нападение.

Он должен закрепить пространственный адрес и передать его ближайшей группе контроля.

— Время прибытия? — спросил Рейн.

— От девяти до четырнадцати часов. Зависит от того, какой маршрут они признают допустимым.

— Кто командует группой?

— Формально служба восстановления закрытых объектов. Фактически — преемники комиссии «Слепой гавани». Ивар стоял в стороне от проекции брата.

— Они попытаются объявить Анкинон федеральной собственностью до подтверждения гражданского статуса жителей. Рейн нахмурился.

— Закон изменился.

— Формулировки изменились. Протокол чрезвычайной непрерывности остался. Ашер вывел текст.

— «Лица, чья идентичность была восстановлена после причинного разрыва, временно ограничиваются в самостоятельных решениях до подтверждения непрерывности компетентным органом». В зале поднялся шум. Женщина из третьей волны спросила: — То есть они считают, что мы не люди, пока не проверят?

— Люди, — ответил Рейн.

— Но с ограниченной дееспособностью по старому протоколу.

— Это хуже.

— Да. Вито смотрел на белую точку над планетой.

— Закрываем последний процент оболочки. Он произнёс это раньше обсуждения. Слова вышли с прежней уверенностью, будто семисекундное доказательство всё ещё существовало. Тарен сразу ответил: — Нет. Вито повернулся.

— Почему?

— Полное закрытие сейчас разорвёт отражённый канал с «Ариадной», отсечёт Нейру и создаст обратный градиент в четвёртом контуре. Мы можем потерять до трёхсот спящих адресов.

— Тогда сначала выводим адреса из области.

— На это нужно шесть часов.

— Узел закрепится раньше.

— Возможно.

— Не возможно. Он уже внутри окна. Тарен посмотрел на него.

— Вы видели? Вопрос ударил точнее, чем намеревался инженер.

— Нет.

— Тогда это оценка.

— По траектории.

— У него нет траектории. Вито почувствовал, как зал начинает уходить из-под контроля. Раньше он видел первые последствия возражений и успевал изменить тон, выбрать аргумент, отступить на полшага. Теперь чужие реакции приходили только после его слов.

— Закрытие оболочки — единственный гарантированный способ не дать координату, — сказал он. Йонас ответил: — Не гарантированный. Узел уже получил часть сигнала. Полное закрытие может подтвердить, что скрываемая область ценна.

— Тогда уничтожаем узел. Рейн поднял голову.

— Это федеральное оборудование.

— Которое лишит семь тысяч человек права решать за себя.

— Я не защищаю узел. Я говорю, что уничтожение станет основанием для силовой операции.

— Она всё равно начнётся.

— Не факт.

— Мы не можем ждать доказательства. Собственный голос Вито становился жёстче. Он слышал это, но не успевал остановить прежде, чем слова возникали.

— Мэд, подготовьте «Ладью» и корабль Каэля. Ивар создаёт гравитационный захват. Йонас — физический разобщитель. Уничтожаем узел до передачи координат. На проекции Мэд стояла в инженерном отсеке корабля народа Каэля. Каэль находился рядом, но не вмешивался.

— Нет, — сказала она. Вито замер.

— Что?

— «Ладья» повреждена. Корабль Каэля не имеет переходного ядра. Вы предлагаете вывести оба судна в область неизвестного федерального контура и стрелять до того, как мы понимаем его архитектуру.

— У нас нет времени.

— Это не расчёт. Это паника. В зале стало тихо. Вито почувствовал знакомое желание наказать её голосом — не за техническое возражение, а за то, что она назвала его страх перед всеми.

— Вы выполняете приказ, — сказал он. Мэд посмотрела на него без движения.

— Чей? Он не сразу понял.

— Мой.

— Вы не командуете Анкиноном. Не командуете кораблём Каэля. И сейчас не командуете мной. Каэль не улыбнулся. Это было важнее поддержки. Вито повернулся к Рейну.

— Комиссар?

— Я не подтверждаю атаку до установления непосредственной угрозы и решения совета.

— Ашер?

— Уничтожение узла может передать координаты самим фактом исчезновения. Сначала нужен язык его протокола.

— Саана? Она стояла с закрытым экраном, серый керамический жетон в руке.

— Я чувствую ваш страх. Не факт об узле. Йонас сказал последним: — Нет. Одно слово. Вито посмотрел на него.

— Вы отказываетесь выполнять приказ?

— Да.

— На каком основании?

— На том, что вы сейчас хотите вернуть семь секунд чужим послушанием. Вито встал. Гравитационное кресло попыталось удержать его, но он отключил поддержку. Пол качнулся. Не из-за причинного сдвига — от слабости тела.

— Я отвечаю за безопасность команды.

— Вы отвечали, — сказал Йонас.

— Сейчас у Анкинона свой совет, у «Ладьи» повреждённый экипаж, у Каэля собственный корабль, а у меня достаточно боли, чтобы не испугаться вашего выражения лица.

— Если узел передаст координаты, погибнут люди.

— Возможно.

— Вас устраивает «возможно»?

— Нет. Но ваше «точно» больше не приходит из будущего. Придётся доказывать. Вито хотел приказать ещё раз. Хотел напомнить, кто вывел их к Анкинону, кто видел ловушки, кто потерял способность ради города. Все эти факты были правдой. Ни один не давал права требовать повиновения сейчас. Он посмотрел на совет. Люди ждали не капитанского решения, а того, способен ли он пережить отказ.

— Хорошо, — сказал Вито. Слово прозвучало слишком резко. Йонас не отвёл взгляда.

— Что именно хорошо? Вито узнал собственный вопрос Адриану. Он медленно включил поддержку кресла и сел.

— Приказ отменён. Я предложил атаку, не доказав, что она лучший вариант. Мэд немного опустила плечи.

— Спасибо.

— Не благодарите раньше времени.

— Это уже больше, чем раньше. Рейн передал ведение заседания Ашеру.

— Что нужно, чтобы понять узел? Ашер увеличил белую точку. Вокруг неё появлялись и исчезали короткие последовательности символов.

— Он не сканирует пространство напрямую. Он задаёт окружающему вакууму вопросы и фиксирует, где ответ отличается от случайного. Анкинон выдаёт себя попытками скрыться.

— Можно заставить другую область отвечать сильнее? — спросил Тарен.

— Ложный адрес, — сказал Элиас.

— «Ариадна» может создать причинное отражение в старом маршруте.

— Тогда узел закрепит координаты корабля, — возразил Вито.

— Не корабля. Области, которую уже считают разрушенной. На проекции рядом с Элиасом возникла Нейра. Серо-голубой плащ казался почти обычным на фоне тёмного отсека.

— Я могу открыть отражение «Тиреса», — сказала она.

— Не вернуть станцию. Только создать состояние, в котором её след выглядит источником сигнала Анкинона. Адриан резко поднял голову.

— Нет. Все посмотрели на него.

— Почему? — спросил Рейн.

— «Тирес» не уничтожен полностью. Его состояния разошлись по закрытым маршрутам. Если федеральный узел закрепит одно из них, может открыть доступ к старому контуру непрерывности.

— К вашему контуру? — спросил Йонас.

— К его остаткам.

— Там ещё есть чужая длительность? Адриан помолчал.

— Есть накопленная когерентность, которую я не успел вернуть. Вито почувствовал, как злость возвращается, теперь уже направленная не на команду.

— Сколько?

— Нельзя перевести в годы.

— Сколько людей?

— Я не знаю точного числа.

— Вы снова отвечаете масштабом системы вместо людей.

— Потому что архив не содержит имён. Ашер сказал: — Тогда узел может использовать эту когерентность как подтверждение живого объекта. Нейра смотрела на Адриана.

— Ты знал, что остаток сохранился.

— Предполагал.

— И молчал.

— Если бы я сказал, Рейн потребовал бы немедленно открыть маршрут. Йонас попытался бы измерить. Вито захотел бы вернуть всё людям, не понимая, что разрыв может их убить.

— Возможно, — сказал Вито.

— Но это всё равно было не ваше решение в одиночку. Адриан отвёл взгляд. Тарен изменил модель.

— Остаток «Тиреса» можно использовать не как ложный адрес, а как приманку. Федеральный узел войдёт в отражение, а затем нейтральный регистр отделит накопленную когерентность от его протокола.

— Вернуть её людям? — спросила Дара.

— Не напрямую. Сначала перевести в общий медицинский резерв без привязки к конкретным версиям. Дара покачала головой.

— Если это чужие потерянные возможности восстановления, общий резерв снова присвоит их. Саана сказала: — Тогда не использовать. Освободить.

— Что значит «освободить» для вероятностного ресурса? — спросил Рейн. Нейра ответила: — Позволить возможностям перестать быть ресурсом. Йонас усмехнулся.

— Очень технологично.

— Они не вернуться владельцам в форме дополнительных лет. Но перестанут удерживать Адриана и системы, построенные на его выборе. Часть людей может восстановить утраченные способности естественно. Часть — нет. Нельзя гарантировать. Адриан смотрел на неё.

— Ты предлагаешь уничтожить единственное, что может стабилизировать мой контур.

— Да.

— И использовать меня как приманку.

— Нет. Остаток принадлежит не тебе. Слова не были жестокими. Именно поэтому Адриан побледнел. Вито спросил: — Узел можно втянуть в отражение без атаки? Ашер и Тарен одновременно начали расчёт.

— Если он считает когерентность источником сигнала, — сказал Ашер, — войдёт сам.

— Но нужно на несколько секунд открыть остаточный маршрут, — добавил Тарен.

— В этот момент причинная оболочка Анкинона ослабнет.

— Насколько?

— До восьмидесяти двух процентов.

— Долго?

— Двадцать секунд. Вито автоматически поискал будущий исход. Пустота. Он почувствовал тошноту.

— Что ещё может произойти?

— Мы не знаем, — сказал Йонас. Раньше эта фраза означала для Вито, что он должен знать за всех. Теперь она была общим фактом.

— Тогда распределяем решение, — сказал он.

— Тарен отвечает за оболочку. Ашер — за протокол узла. Нейра и Элиас — за отражение. Йонас — за физический разрыв между регистром и Анкиноном.

Рейн — за условия прекращения. Саана следит, не становится ли приманка новым приложением. Мэд и Каэль удерживают внешний гравитационный каркас. Адриан... Он остановился.

— Что можете сделать вы? Адриан посмотрел на проекцию «Тиреса».

— Узел узнает остаток только через мою нейронную подпись.

— То есть вы должны подключиться.

— Да. Йонас сказал: — Без доступа к подпитке.

— Без.

— И без права перенаправить когерентность обратно себе. Адриан выдержал паузу.

— Да. Вито слышал, что согласие даётся не из раскаяния. Адриан просто понимал: иначе команда не позволит ему участвовать. Но даже ограниченное согласие было началом. Рейн сформулировал условия: — Подключение прекращается при попытке системы закрепить вашу биологическую матрицу как получателя. Любое ухудшение состояния фиксируется, но не является основанием автоматически вернуть ресурс. Решение о прекращении остаётся за вами и медицинским наблюдателем отдельно.

— За мной и Дарой? — спросил Адриан.

— Если один требует прекращения, связь разрывается.

— Она остановит раньше времени. Дара посмотрела на него.

— Возможно.

— Тогда операция провалится.

— Возможно. Йонас тихо сказал: — Добро пожаловать в мир без гарантированного будущего.

* * *

Белая точка над Анкиноном стала ярче. Федеральный узел начал закрепление координат. Подготовка заняла четырнадцать минут. За это время Вито трижды хотел вмешаться в чужую работу. Один раз удержался сам. Второй раз Йонас закрыл перед ним инженерную проекцию. В третий Ашер сказал: — Вы назначили меня ответственным за протокол. Либо доверяете, либо меняете ответственного открыто. Вито отступил. Это оказалось почти физическим усилием. Адриана разместили в нейроннокогерентной сфере рядом с нейтральным регистром. Обычная медицина поддерживала сердце и дыхание, но не вмешивалась в структуру личности. На коже появились старые следы разёмов, которых Вито раньше не замечал. — Я был рядом, когда вам делали это? — спросил он.

— Иногда вы держали меня за руку.

— Почему? Адриан улыбнулся.

— Потому что я боялся. Вито не помнил. Но положил ладонь на внешнюю поверхность сферы.

— Сейчас тоже?

— Сильнее.

— Хорошо.

— Вы любите это слово в неподходящих местах.

— Оно означает, что страх наконец принадлежит вам. Адриан посмотрел на его руку через прозрачное поле.

— Не уходи. Вито хотел обещать. Потом вспомнил Мэд и собственную привычку превращать присутствие в право решать.

— Останусь, пока вы не попросите иначе. Адриан закрыл глаза. Операция началась. Нейра открыла отражение «Тиреса». В настоящем проценте неба возникли два невозможных кольца, но не как станция. Пространство лишь временно вспомнило форму, которую когда-то удерживало. Между кольцами проявился сверхквантовый резерв — тёмная область, в которой свет не исчезал, а терял право продолжить путь. Белая точка изменила направление без движения. Федеральный узел признал отражение источником.

— Захват начался, — сказал Ашер.

— Он переписывает вопрос вакуума под «Тирес». Тарен ослабил причинную оболочку Анкинона. Настоящее небо расширилось. Восемнадцать процентов города стали видимы внешнему пространству. Звёзды над верхними секторами вспыхнули, и пробуждённые впервые увидели их без фильтра. Кто-то закричал от красоты. Кто-то от страха. Федеральный узел вошёл в отражение. Адриан выгнулся внутри сферы. Его нейронная подпись совпала с остаточным контуром. На поверхности регистра появились миллионы слабых спектральных откликов

— не связи и не лучи, а места, где чужое будущее когда-то было сужено. Саана открыла одну пластину экрана и сразу заплакала.

— Там не пусто.

— Люди? — спросил Вито.

— Не люди. Их несделанные шаги. Федеральный узел начал присваивать резерв как обнаруженную государственную собственность. Ашер вывел его протокол: — «Неидентифицированная когерентность подлежит сохранению до установления владельца». Рейн ответил через нейтральный канал: — Владение не установлено. Использование запрещено.

— Он не признаёт наш статус.

— Тогда не спорьте статусом, — сказал Вито.

— Спросите, кто дал согласие на сохранение. Ашер изменил формулировку. Узел замедлился.

— Протокол ищет исходное согласие. Адриан вскрикнул. На проекции появилась старая запись: он сам, моложе, говорит перед контуром «Тиреса»: — Сохранять всё, что может понадобиться для продолжения работы. Узел принял фразу как полномочие. Вито посмотрел на Адриана.

— Это ваше согласие? Тот тяжело дышал.

— Тогда — да.

— Оно действует сейчас? Адриан видел резерв, который мог продлить его жизнь. Возможно, восстановить руку. Возможно, вернуть молодость на годы. В поле отражались его возможные состояния: сильный, спокойный, снова стоящий рядом с Вито без медицинской поддержки.

— Адриан.

— Я слышу.

— Ваш ответ действует только сейчас. Слова Рейна. Адриан открыл глаза.

— Нет. Узел не принял. На проекции появилось: ПРОТИВОРЕЧИЕ С ИСХОДНОЙ АВТОРИЗАЦИЕЙ. Ашер сказал: — Нужно полное размыкание. Не просто отказ. Адриан смотрел на свои молодые состояния.

— Если отпущу, большая часть не вернётся никому.

— Знаю, — сказал Вито.

— Это бессмысленная потеря.

— Возможно.

— Я мог бы использовать часть и всё равно освободить остальное. Йонас ответил: — Именно так вы начали в первый раз. Адриан закрыл глаза. Сфера вокруг него показала комнату после плена. Молодой Вито сидел на полу, не спал четверо суток и отказывался принимать лекарство. Адриан держал чашку сладкого чая и говорил, что останется.

— Я сохранил тебя, — прошептал он.

— Да.

— Без меня тебя бы не было. Вито положил вторую ладонь на сферу.

— Вы сохранили мою жизнь. Вы не создали меня. Адриан дрогнул.

— Если я отпущу это, не знаю, сколько останется.

— Тогда впервые узнаете вместе со всеми. Вито не мог видеть, каким будет следующий момент. Адриан тоже. Он произнёс: — Моё прошлое решение не говорит от моего имени сейчас. Освободить резерв. Не назначать

получателя. Нейтральный регистр принял. Сверхквантовая область «Тиреса» раскрылась. Не вспышкой. Не взрывом. Пространство вокруг отражения перестало удерживать несделанные возможности в одной форме. Миллионы спектральных откликов разошлись по вакууму, теряя статус ресурса. Некоторые исчезли. Некоторые вернулись к людям Анкинона как слабое расширение нейронных карт. У одного пациента восстановилась способность различать

музыку. У другого впервые за двадцать лет возникла естественная регенерация повреждённого нерва. Большинство не почувствовало ничего. Федеральный узел потерял объект присвоения. Ашер передал ему пустой протокол: — Нет владельца. Нет сохранённого ресурса. Нет основания закреплять адрес. Узел попытался вернуться к сигналу Анкинона, но Йонас активировал физический разобщитель. Механическое устройство не атаковало сверхквантовую конструкцию. Оно просто прервало момент совпадения нейтрального регистра с оболочкой города. Анкинон перестала отвечать. Белая точка погасла. Тарен закрыл причинную оболочку до одного процента. Настоящее небо снова сузилось, но теперь в нём не было федерального узла. Адриан потерял сознание. Дара развернула вокруг него медицинские сферы. Показатели падали быстро: сердце не успевало за изменившимся возрастом, несколько нейронных узлов перестали находить прежнюю опору.

— Разрыв связи! — приказала она. Рейн подтвердил прекращение. Сфера отключилась. Вито остался рядом, пока микродроны восстанавливали кровотоки и обычная регенерационная матрица искала состояние, которое принадлежало только Адриану. На внешней проекции Элиас выдохнул.

— Узел не передал координаты.

— Уверены? — спросил Рейн.

— Передача началась, но адрес не закреплён. Федеральная группа придёт в область «Тиреса», если вообще сможет открыть маршрут. Ивар сказал: — Они поймут обман.

— Позже, — ответил Элиас.

— У вас от шести до двенадцати часов.

— На что? — спросил Вито.

— Решить, что Анкинон будет делать, когда скрываться станет невозможно.

* * *

Связь с «Ариадной» ослабла, но не исчезла. Вито посмотрел на совет. Никто не ждал от него немедленного ответа. Это всё ещё пугало. После операции Мэд вернулась на Анкинон на малом бесконтактном транспорте Каэля. Транспорт не имел отдельного двигателя: пространство перед ним сокращалось, а за ним восстанавливало прежнюю длину. Каэль управлял вручную одной рукой. Вито увидел их из верхнего коридора медицинского сектора. Мэд сидела рядом с Каэлем, бледная после работы с гравитационной оболочкой. Он что-то сказал, и она ответила коротко, без улыбки. Когда транспорт остановился, Каэль лично развернул вокруг неё защитное инерционное поле и помог выйти. Это могло означать заботу о беременности. Могло означать старую близость. Могло не означать ничего. Семь секунд не пришли на помощь. Мэд подняла голову и увидела Вито. Он стоял достаточно далеко, чтобы не слышать их разговор. Достаточно близко,

чтобы она поняла: он видел. Каэль проследил за её взглядом. Никто не двинулся первым. Вито почувствовал ревность — простую, унижительную и полностью настоящую. Раньше он попытался бы определить будущий жест Мэд, увидеть, к кому она повернётся, и назвать предчувствие фактом. Теперь у него оставался только выбор, что делать со своим чувством. Он кивнул им обоим и вошёл в медицинский сектор. Не потому, что доверял. Потому что пока не имел права превращать неизвестность в обвинение. На восьмой секунде за его спиной закрылась дверь. Он не знал, последовала ли Мэд за ним. Запись для «Ариадны» (личный дневник)

— Отдал приказ атаковать узел на голом страхе и назвал это расчётом — и Йонас впервые отказался подчиниться, прямо мне в лицо: «ваше точно больше не приходит из будущего». Он прав. Мэд тоже отказалась — не из вражды, а потому что увидела панику там, где я хотел видеть командование. Хорошо, что они есть у меня, если честно, оба. Адриан отпустил остаток «Тиреса» — свою последнюю страховку от старости — и сказал мне «я сохранил тебя», будто это давало ему право решать, каким я должен остаться. Я ответил единственное, что знал точно: он сохранил мою жизнь, не создал меня. Потом увидел Мэд с Каэлем — его рука на её

плече, забота или старая привычка, не знаю. Впервые за долгое время у меня нет семи секунд, чтобы это выяснить заранее. Придётся просто спросить.

Глава 7. Город, который отказался

исчезнуть

Мэд не пошла за ним. Вито понял это не сразу. За дверью медицинского сектора не было ни шагов, ни голоса, ни изменения давления, которое выдавало бы приближение другого человека. Раньше семь секунд заранее показали бы, войдёт она или останется рядом, повернёт к Каэлю или остановится в коридоре. Теперь существовала только закрытая дверь и всё, что Вито успел придумать по ту сторону. Он сел возле капсулы Адриана. Медицинская матрица работала почти бесшумно, лишь иногда меняя плотность света над грудью пациента. Адриан дышал сам. Левая рука не двигалась, лицо больше не перескакивало между возрастами, но именно это пугало сильнее: система наконец выбрала не лучшую версию, а тело, которое действительно осталось. Дара не называла срок. Она говорила о повреждении сердца, истощении нейронных узлов и необходимости длительного восстановления, словно перечисление отдельных рисков могло заменить ответ на вопрос, сколько времени у человека. Вито не спрашивал. После последних дней он начал понимать, почему точное число иногда становится новой формой власти. — Она не пришла, — сказал Адриан, не открывая глаз.

— Вы не спите?

— Сплю хуже, чем выгляжу.

— Это значительное достижение. Адриан слабо улыбнулся.

— Ты считаешь её шаги.

— Уже нет.

— Именно поэтому считаешь тишину. Вито посмотрел на него.

— Вы хотите поговорить о Мэд?

— Нет. Хочу отвлечь тебя от вопроса, на который ты всё равно пока не получишь ответ.

— Старый медицинский метод?

— Старый дружеский. Слово осталось между ними. Дружба существовала в теле Вито как узнавание интонации, в памяти — как чужие записи, а в настоящем — как благодарность человеку, которого он не мог простить и не хотел потерять.

— Федеральная группа прибудет через несколько часов, — сказал Адриан.

— Если Анкинов снова спрячется, они объявят всех жителей повреждёнными носителями и начнут искать. Если откроется, потребуют передать город под временное управление.

— Есть третий вариант.

— Конечно.

— Почему вы говорите так, будто уже знаете его?

— Потому что ты всегда произносишь эту фразу раньше, чем находишь решение. Вито хотел возразить, но понял, что это действительно так. Когда-то отец называл третий путь красивым именем страха выбрать. Потом Вито превратил поиск альтернативы в доказательство собственной ценности. Теперь ему предстояло найти не решение, которое сделает его незаметным, а пространство, где другие смогут выбрать сами. Дверь стала прозрачной. Рейн стоял снаружи.

— Совет собирается через семь минут. Вито машинально приготовился к знакомому внутреннему толчку. Семь минут были просто временем, но тело услышало в числе обещание прежней способности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.